

-
- [Слова, беседы и речи при освящении храмов и заложении святых и общественных зданий](#)
  - - [Слово на освящение храма во имя Михаила, первого митрополита Киевского](#)
    - [Слово на день освящения храма святого великомученика Георгия](#)
    - [Слово по освящении храма](#)
    - [Слово при освящении церкви при Вологодском архиерейском доме, во имя всех угодников вологодских](#)
    - [Слово по освящении нового кладбищенского храма, что на Холодной горе, во имя всех святых](#)
    - [Слово при освящении придела](#)
    - [Слово по освящении нижней церкви в Харьковском кафедральном соборе](#)
    - [Слово при освящении Харьковского кафедрального собора](#)
    - [Слово по случаю освящения храма](#)
    - [Слово по освящении церкви](#)
    - [Слово по освящении храма](#)
    - [Слово на освящение церкви](#)
    - [Слово при заложении храма](#)
    - [Слово по освящении церкви древней подземной, недавно открытой и вновь восстановленной в Святогорской общежительной Пустыни](#)
    - [Слово в день открытия Святогорского Успенского монастыря](#)
    - [Слово в день открытия Ахтырского Свято-Троицкого монастыря](#)
    - [Слово на другой день по открытии Ахтырского мужского Свято-Троицкого монастыря](#)
    - [Слово по освящении теплого храма во временном помещении новооткрываемого монастыря Никольского](#)
    - [Слово при открытии женского Верхо-Харьковского Никольского монастыря, и при заложении зданий для него](#)
    - [Слово по освящении в селе Богородичном молитвенного дома](#)
    - [Речь при заложении храма в Севастополе во имя святого равноапостольного князя Владимира](#)
    - [Речь при заложении часовни с престолом во имя Всех святых Российских](#)
    - [Слово при открытии скита в Бахчисарайской пустыне](#)
    - [Речь по освящении цистерны, устроенной при Одесском кафедральном соборе на пользу неимущих, иждивением одесского гражданина Г.И.Завадского](#)
    - [Речь при заложении новых зданий для Ришельевского лицея](#)
    - [Речь при заложении зданий для Института благородных девиц](#)
    - [Речь при освящении новой залы при доме Дворянского собрания](#)

**Слова, беседы и речи при освящении храмов и
заложении святых и общественных зданий**

Слово на освящение храма во имя Михаила, первого митрополита Киевского

Был ли какой-либо храм в раю земном? Не было никакого. Будет ли храм в раю небесном? Не будет. Зачем же устроен и освящен храм сей? За тем, что мы все теперь ни в раю земном, ни в раю небесном, а на пути от первого к последнему. На пути не строят домов, не устроят пристанища; и вот мы, по благодати Божией, устроили ныне одно из таких пристанищ. Для кого устроили? Не для тех, кои не чувствуют никакой тоски по отчизне, живут в сем мире, как бы им никогда не надобно было идти вон, а выходят вон из мира так, как бы никогда не следовало возвращаться снова на землю живых. Таковым на что пристанище? Они не на пути, они дома, с ними — все. Нет, если мы с таким тщанием осветили ныне храм сей, то святили его в пристанище и успокоение для тебя, душа верующая и ищущая Небесного отечества! Среди пустыни мира, идя по тернистому пути внешних скорбей и внутренних искушений, подвергаясь нападениям от дальних и ближних, ты не раз принуждена будешь сказать с Давидом: «увы мне, яко пришествие мое продолжися!» ([Пс. 119:5](#)), не раз не найдешь места, «где бы подклонить главу» ([Мф. 8:20](#)): тогда прииди сюда, подклони ее здесь, у ног твоего Спасителя, и ты обрящешь себе покой и радость. Иногда ум твой потребует вразумления от закона Божия: здесь всегда будет слышаться слово веры, надежды и любви; иногда совесть будет иметь нужду в елее и обязанях на раны: здесь всегда найдешь то и другое; иногда весь внутренний человек твой придет в изнеможение: тогда Тело и Кровь Богочеловека, здесь преподаваемые, послужат тебе в укрепление духа и тела. А если, возлюбленный, у тебя отверсты благодатью «очеса и ушеса сердца» ([Еф. 1:18](#)); то здесь ты можешь увидеть и услышать то, чего не слышим и не видим мы сами, слабые служители алтаря: может быть, с Самуилом к тебе прострется глас, возвышающий тебя на особенные подвиги во славу Божию и благо ближних; может быть, с Василием и Григорием будешь свидетелем того, как Дух Святой видимо нисходит на дары, когда мы призываем Его для их освящения; подобно Андрею и Епифанию удастся и тебе зреть на воздухе Матерь Господа, со всеми святыми за ны молящуюся. Не буду более поднимать завесу храма: для достойных она поднимается сама собой, а для прочих и сего много. Итак, души верующие, возблагодарите вместе с нами Господа за освящение сего храма: се новое пристанище для вас на пути, новая лечебница на случай болезней духовных, новая твердыня против нападения врагов. И чтобы вы не усомнились в действительности сего новоявленного дома Божия по причине недостойности нас, служителей его, то мы укажем вам в сем случае не на нас, а на великого угодника Божия Михаила, во имя коего посвящен храм сей. Он сам вам порука за действительность служения в сем храме; он сам примет ваши молитвы и вознесет их к престолу благодати, когда мы почему-либо будем не в состоянии сего сделать. Возблагодарите убо с нами ныне Господа!

К чему пригласить тех, кои, не чувствуя тоски по отчизне, ходят во храмы не для храмов, кои и теперь пришли сюда без расположения к молитве, а просто, как на зрелище? Если бы таковые захотели послушать благого совета, а должны послушать, коль скоро в их сердцах не погасло всякое чувство добра, то я предложил бы им обратиться теперь ко Господу с благодарностью. За что? За то, что Он, ради их хладности и легкомыслия, не престаает вселяться своею благодатью между нами, и теперь благоволил видимо приблизиться в сем храме к ним самим. Может быть, и с ними случится здесь то же самое, что бывает иногда с людьми, посещающими гостиницы на пути; видя, как, проходящие спешат идти куда-либо, и они неприметно располагаются идти туда же. Может быть, и их постигнет здесь благая участь Саулова, так что они, подобно ему, пошедши искать заблудших ослятей, найдут себе царство.

Неудивительно, что и сам мир с его благами поможет в сем святом деле: он любит отводить от пути истинного, но никогда не приведет к цели, умеет возбудить жажду, но не может насытить души: все обещает, но под конец, большей частью, сам все отнимает. Тогда-то, как дружба мира покинет вас, как здравие и силы изменят вам, как радости и забавы улетят, утехи и смехи отцветут, и вы останетесь одни — с немощами, с бедностью, с пустотой в душе, с язвами в совести, — о, тогда и для вас кров дома Божия покажется раем на земле, единым пристанищем, где вы можете опочить душой, отдохнуть сердцем, познать, что и вы еще на пути, что и пред вами еще — цель!

Все убо возблагодарим Господа за новое Его снисхождение к нам в новоявленном доме Божиим. Но помышляя о сем снисхождении, не забудем, братие, и о нашем восхождении ко Господу через сей видимый храм Его. Мы назвали храм пристанищем, но пристанище не есть дом и должно напоминать о вечном жилище; оно устроится в обитель покоя, но временного, и должно препровождать к дальнейшей деятельности.

Итак, служители алтаря Господня, по примеру сего же алтаря, ныне нами освященного, уготовьте и вы сердца свои, на новый престол Господу. Если находящиеся во храме во время священнодействия все тайно образуют собою Херувимов, то вы, священнодействующие, образуете собой тех из Херувимов, на коих непосредственно почивает и через коих движется слава Божия ([Иез. 10:19](#)). Итак помните великое назначение свое, — по примеру великого Ходатая, быть посредниками между небом и землей, возносить моления о всех, низносить благословение всем. Пусть никто не отходит отсюда не просвящен, не насыщен, не утешен вами!

Поющие и чтущие! «Пойте и читайте разумно» ([Пс. 46:8](#))! «Да усладится» Господу не один псалом ([Пс. 103:34](#)), но и сердце ваше! Помните, что читаемое и поемое здесь читается и поется не для услаждения брэнного слуха, а для питания духа бессмертного, что вам внимают не одни подобные вам человеки, а и Ангелы Божий, выну пребывающие в храмах. Слова, исходящие из уст ваших, должны быть подобны искрам огня серафимского для воспламенения душ и сердец любовью к Господу; и они будут таковыми, если сей огонь будет пламенеть в собственном вашем сердце.

Предстоящие и молящиеся! Входите во храм с благоговением, отложив за порогом его всякое земное попечение; стойте со страхом, как стоят пред лицом Царя Небесного; молитесь с умилением, как прилично молиться ищущим помилования грешникам. Ибо что же, братие, все мы, кто бы ни были, как не осужденные на смерть преступники закона Божия? Все заслуги наши пред Творцом нашим не состоят ли в совершенном признании Его величия и нашей нечистоты? Все права и все надежды наши не в одном ли безприкладном милосердии Его? Таким ли существам искать здесь первых мест, отличаться убранством и нарядами, принимать на себя величавый и презорливый вид! Здесь место свидания с Господом и Ангелами, а не с земными друзьями и знакомыми; тут время беседовать в глубине души с Евангелием и с совестью, а не с тем, кто стоит возле тебя.

Требовать ли, наконец, какой-либо жертвы от вас, кои ходите в храм не для храма? Ах! От вас-то бы наипаче и надобно требовать ее! Но что в состоянии принести вы Господу? Доколе всемогущая рука Его не коснется сердца вашего и не сокрушит меди и железа, облегающих шею вашу, принесите в жертву, по крайней мере, одно то, что вы приносите непрестанно миру — благоприличие и скромность. Не приемля здесь сами пользы душевной, не будьте, по крайней мере, во вред другим. Зачем в сем раю принимать на себя образ змий искусителей? Если уже Ангелы Хранители ваши должны плакать, то пусть плачут о вас одних.

Но, Боже мой, какой совет принужден давать я? Таким ли языком надлежало говорить с сего священного места? Но, что делать, когда рассеянность наша дошла до того, что некоторые

готовы дом молитвы обращать в вертеп разбойников! Надобно спасать многих, когда нельзя спасти всех.

Впрочем, что и все мы без благодати Божией? Посему, решаясь достойно служить, воспевать, предстоять и молиться в сем храме, мы все должны обратить снова очи и сердца свои ко Господу, да дарует Он служителям алтаря — дух служения, поющим и читающим — дух разума и назидания, предстоящим и молящимся — дух страха и умиления.

Господи и Владыко неба и земли! Мы осветили благодатью Твоею храм сей в пристанище душ наших, но един Ты можешь устроить и освятить души наши в жилище Твое! Сам убо, Всесвятой, начни и соверши сие освящение. Употребляй, молим Тя, все, что нужно для сего: омовение ли слезами покаяния, или окропление росой благодати, курение ли от огня внутренних испытаний, или биение млатом внешних лишений и скорбей: имиже веси судьбами, точию освети и спаси души наша! Аминь.

Слово на день освящения храма святого великомученика

Георгия

Помыслих дни первые, и лета вечная помянух, и поучахся — так свидетельствует о себе богодухновенный певец псалмов. Если для того, кто избран был Самим Богом во всегдашние наставники царей и народов, воспоминание о летах древних служило поучением; то тем паче оно может быть вместо наставления для всех нас. И, если когда и где прилично всем нам поучиться от воспоминания лет древних, то в сей день и в этом храме. Ибо, обратим ли внимание на судьбу нынешнего празднества и сего храма, или устремим взор на знаки отличия, украшающие грудь вашу: — и то и другое воззывает мысль нашу ко временам прежде бывшим. Итак, последуя примеру святого Давида, зайдем ныне наставление у прошедшего, дабы лучше устроить свое будущее.

Достойный сын и преемник равноапостольного Владимира, Ярослав Великий приближается к концу дней своих. Многоплодная для отечества жизнь его уже полна великим деяниями: мир и благоденствие отечества извне ограждены громкими победами, внешне — мудрыми законами; для умов, ищущих свет наук, воздвигнуты обители просвещения; для душ, жаждущих озарения горнего, устроены обители благочестия христианского. Уже и храм премудрости Божией вознес к небу верхи свои, как бы в знак того, что на земле русской вера и просвещение будут дружно вести почитателей своих к единому и тому же небу. Но на душе маститого героя-законодателя лежит еще одна святая мысль: воздвигнуть благодарственный памятник небесному покровителю своему, великомученику и победоносцу Георгию. Святым что посвящать, кроме святого? И вот, по манию самодержца, начинает воздвигаться храм во имя великомученика близ того места, которое было свидетелем бегства печенегов от меча Ярославова из-под стен Киева. Щедро расточаемые сокровища царские поощряет охладевшее было усердие делателей; храм создан, украшен всем, чем тогда богата была Россия и страны чужеземные; митрополит Иларион, первый из сынов отечества, сделавшийся верховным пастырем его, совершает освящение храма, и в то же время предназначает его быть местом освящения всех верховных пастырей Церкви Российской. Небо и земля сорадуются святому торжеству державного храмостроителя; и целая Россия приемлет завет освящать ежегодно воспоминание сего дня торжеством священным. Таково происхождение настоящего празднества!

Завет цел и в силе, но где предмет завета? Где храм, коего великолепию дивились и соотечественники и чужестранцы? Ах, он и двух веков не пережил своего державного строителя! Тяжелая рука времени, гроза и бури общественных переворотов даже развалины его сравнивали с землею, так что теперь просвещенной любви к древности предлежит отыскивать самые следы его в сердце земли.

Таков удел памятников земных! Что чаще и святее, как ознаменовать свою благодарность к Богу и святым Его сооружениям в честь их храма? Но и сии дары признательности и любви приемлются Господом от рук нас смертных только на время, а потом предоставляются власти того же времени. Для чего? Да ведаем, «но Вышний не в рукотворенных церквах живет» ([Деян. 7:48](#)), и что единый, вечный, и неразрушимый храм для Него тот, который воздвигается Ему в сердцах и душах наших.

Чтобы сия поучительная мысль не показалась вам, братие, только случайным применением к настоящим обстоятельствам, не отрекитесь взойти со мною вашей мыслью к самым первым временам человечества. Что там? Был ли какой-либо храм в раю? Не было. Почему? Ужели человек менее молился до своего падения, нежели сколько молится по падении? Нет, тогда вся

жизнь его была богослужением; но, весь чистый, невинный, святой, он сам тогда был и жертвою, и священником, и храмом; в трехчастной скинии существа его, в теле, душе и духе, было и преддверие, и святое, и святое святых; здесь была и манна, и ковчег завета, и херувимы. После сего к чему бы служил тогда храм? Внешние храмы сделались необходимы тогда, когда человек сам перестал быть храмом Божества, и существуют не для чего другого, как для того, чтобы человек, входя в храмы и видя, что и как в них совершается, научился обновлять свой собственный, внутренний, трехчастный храм, для совершения в нем вечного, непрестающего богослужения во славу триипостасного Господа всяческих. Посему-то все внешние храмы, со всем их разнообразием и великолепием, существуют только на время, доколе продолжается воссоздание падшей скинии существа человеческого; а по совершении сего великого дела они должны уступить место навсегда одному храму внутреннему — в душах и сердцах человеческих. «И видех», — свидетельствует тайновидец сего величественного будущего, — «и видех небо ново и землю нову... и... видех град святой Иерусалим нов сходящ... с небесе... и храма не видех в нем» ([Откр. 21:1—2, 22](#)). Где же он? — В Боге. Яко «Господь... Вседержитель храм ему есть и Агнец».

После сего должно ли удивляться, если всепремудрый в созидании спасения нашего Промысл Божий между прочими напоминаниями нам о сей важной истине заставляет свидетельствовать о ней пред нами самые храмы наши — их развалинами! Чем великолепнее разрушенное, чем менее остатков его, тем сильнее напоминание о состоянии нашего внутреннего храма, тем громче зов к его восстановлению. Посему, встречая развалины храмов древних, поспешайте, братие, переноситься мыслями не к одному началу и истории их, а и к судьбе собственного внутреннего храма; обращайтесь внимание на вашу душу и сердце, и смотрите, есть ли там хотя столько остатков храма, сколько видите их пред собою; не в таком ли состоянии наш храм внутренний, что надобно призвать опытных знатоков духовной древности и духовного зодчества, чтобы открыть самые следы, где стоял он? Если какой град представляет часто случаи на упражнение сей святой любви к драгоценной древности, то наш, столь богатый святыми развалинами.

Се первая часть поучения Давидова — первый урок от воспоминания лет древних храма сего!

Спросим теперь: что разрушило храм, освящение коего составляет предмет настоящего празднества, и не дало нам насладиться созерцанием его древнего великолепия? Свирепость монголов, — отвечает история. Свирепость монголов!., так, но не сия ли свирепость многократно сокрушалась потом, и, наконец, сокрушилась совершенно и навсегда о грудь мужественных сынов Церкви и Отечества? Что же воспрепятствовало ей сокрушиться тогда? Почему россиянин, который мог так победоносно восстать из-под развалин Отечества, не мог устоять и отстоять самой святыни, стоя и защищаясь на твердынях Церкви, еще крепкой, высокой, благоукрашенной? Был, был еще до нашествия врагов внешних, жестокий враг внутренний, который занял все входы и исходы земли русской, отнял всю силу и свободу у сынов ее, оковал цепями умы и сердца, превратил в них храмы и алтари, и таким образом, сделав нас неспособными защищать Церковь и отечество, открыл всюду путь врагам внешним, отдал им нас в поносное, двухвековое рабство. Разгните летописи времен, предшествовавших нашествию монголов: что там? Всюду развалины прежней веры и любви к Богу, развалины прежнего единодушия и мира гражданского, развалины прежних благих нравов и обычаев. Итак, вот что предало нас в руки монголов!.. С нами произошло то, что было с древними израильянами: мы забыли Бога отцов, и наши храмы подверглись участи храма Соломонова!..

Что же должны мы извлечь из сего второго, горького воспоминания лет древних? Право осуждения предков наших за их недостатки? Всего менее! Смирением перенесением тяжкой

участи своей, горькими слезами раскаяния, добрыми подвигами среди уз и плена, самоотвержением, с коим они спасали потом среди потока бедствий ковчег завета — веру православную и любовь к царям своим, — всем сим они давно искупили пред судом потомства слабости свои; и отходя на небо нередко путем мучений, может быть, не раз низводили потом молитвами своими благословение Божие на ряды последующих защитников отечества. Не на предках должны мы останавливаться в подобных случаях, а на самих себе. С чем останавливаться? С тем великим и важным уроком, что внешнее благоденствие отечества и Церкви зиждется на внутреннем христианском благоустройстве сынов его; что посему, заботясь об устройении памятников величия и славы отечества, о созидании и украшении самых церквей Божиих, должно в то же время еще более прилагать попечение о том, чтобы внутри нас укреплялись и возрастали вера и добродетель, чистота нравов и отношений, праводушие и бескорыстие, смирение и трудолюбие. Без сего не порука за благоденствие отечества — ни многочисленные ряды мужей брани, ни умножение обителей наук и образования, ни самое великолепие храмов Божиих. Ибо Царь неба и земли, как не имеет нужды в жилище, то благоволит обитать благодатью своею в созданных для Него храмах дотоле, доколе они служат в духовное назидание и освящение для входящих и исходящих.

В противном случае, и сии дома молитвы оставляются пусты и, оставленные таким образом, предаются запустению. Благо, по крайней мере, если оставляются пусты не навсегда; если раскаяние, исправление нравов человеческих низводят паки на землю и во храмы благодать с небес: мановение свыше. Памятуйте же сие и не берите своей жертвы назад, с престола веры и отечества. Господь извел вас из среды, где вокруг вас пали тысячи; Он обратил для вас с Своей стороны в дар жизнь вашу, Ему принесенную: умеете воспользоваться сим даром! Мы не сомневаемся, что вы еще сто раз готовы нести жизнь против врагов внешних. Но не забудьте, что есть враги внутренние: не те несчастные жертвы самообольщения, коих ничего не стоит побеждать силою, а трудно только спасать от собственного их насилия себе самим, а те, кои с нами рождаются, возрастают, живут и только с нами умирают — наши страсти! Укрепляйтесь на брань и против сих врагов, не жалея для поражения их самой своей жизни. Молитвы великомученика и крест, украшающий грудь вашу, да будут для вас и побуждением к мужеству, и оружием на брани, и залогом победы. Аминь.

Слово по освящении храма

В память чего празднует ныне Святая Церковь? В память того, что в нышний день Господь наш Иисус Христос вошел некогда с торжеством в Иерусалим, посетил там храм Соломонов, изгнал из него торжников, и приял от детей еврейских радостное в честь Его восклицание: «осанна Сыну Давидову!» ([Мф. 21:9](#)). Одно воспоминание о сем преславном событии составляет предмет торжества для всей Церкви Христовой.

Как же после сего, любезные дети, многомилостив и щедр к вам Господь наш, когда Он даровал вас счастье не только вспомнить ныне, вместе с нами, Его торжественный вход во Иерусалим, но и быть свидетелями Его нынешнего таинственного вшествия в храм сей! Ибо, для кого Он вошел ныне таким образом сюда? Для вас, кои будете приносить здесь молитвы ваши о всех нуждах ваших. На сколько времени вошел? Не на несколько часов, как входил некогда в храм Иерусалимский, а чтобы пребывать здесь дотоле, пока вы сами не оставите сего места. Может ли быть милость больше сей милости?

Что же будет делать среди вас — в сем храме — Господь наш? Он будет, любезные дети, делать здесь подобное тому, что делал, обитая некогда для спасения нашего на земле. Помните ли, что Он тогда делал? Учил и наставлял, врачевал от болезней телесных и душевных, питал и насыщал алчущих. Подобное тому будет делать Господь и здесь, в сем храме.

Он будет здесь учить и наставлять вас. Ибо, что такое пророки, евангелисты, апостолы, коих вы будете слушать здесь? Это уста Христовы. Все, что ни говорят они, говорят не от себя, а от Него; Он их послал учить весь мир; Он им дал Духа Святаго и повелел говорить нам одну правду и одну истину для спасения нашего.

Посему, слушая здесь слово Божие, принимайте его, как бы оно выходило из уст Самого Спасителя нашего, Который невидимо всегда будет Сам находиться здесь между вами; принимайте потому со всем вниманием и благоговением, стараясь выполнять на самом деле все, что Им заповедуется. И как вам не быть внимательными к слову Божию? Что вы слышите от прочих наставников, говорящих вам о земном, то, как бы ни было хорошо, полезно только на время, до конца этой земной жизни; а что вы будете слышать здесь от лица Господа, через священнослужителей Его, то полезно навсегда, пойдет с вами за пределы этой жизни, в самую вечность. Как вам не стараться помнить твердо и исполнять верно слово Божие! Если нехорошо забыть слов отца или наставления матери; то стократ хуже и непростительнее забыть заповеди Того, кто создал всех нас, и в руках коего мы, отцы и матери наши. Без исполнения на деле, слово Божие послужит не к спасению, а к большему осуждению нашему, соделывая нас безответными и пред судом совести и на будущем Страшном Суде Христовом.

Господь будет здесь врачевать благодатью своею души ваши от грехов. Возраст ваш, любезные дети, есть возраст невинности; вы со всех сторон защищены от падений: но не думайте, чтобы потому вы были совершенно безгрешны. Кто не подлежит искушениям, как вы, у того и малый грех велик. И разве малый яд не яд? Все беда и страх. Посему для всех нужен божественный Врач душ и сердец; и Он будет являться вам в лице священнослужителя, при таинстве исповеди. Ибо кто мы, чтобы нам самим по себе осмелиться не только изрекать вам прощение во грехах, но и принимать исповедывание в них? Господь повелел нам делать это, и мы делаем, о Его имени, Его силою. Потому и сделанное так твердо: прощенное в таинстве исповеди, здесь на земле, прощается и там — на небе.

Судите, как после сего вам надобно будет принимать разрешение во грехах ваших? Надобно принимать с полною верою в силу таинств, с глубочайшим смирением и с величайшею благодарностью. Но истинная благодарность в сем случае одна — не впадать более в те грехи, в

коих раз получили прощение, — удаляться всего, что ведет к ним. Если и пред земным начальником стыдно показаться, сделав опять то же преступление, в коем он раз уже, тем паче если несколько раз простил нам, тем стыднее прийти опять в храм, и явиться пред лицо Божие, с прежними грехами.

Итак, любезные дети, старайтесь всеми силами сохранять чистоту нравов; берегитесь не только худых дел, но и худых слов, и худых мыслей. Мысли в душе, как воздухе, в комнате: самая разукрашенная комната, если воздух в ней худ, нехороша для житья; так и душа самая образованная в науках, если есть в ней худые мысли, неприятна Богу и людям.

Господь будет еще здесь чудесно питать все. Уже самое слово Божие есть пища для души. Но Господь сделает для вас более: Он будет питать вас тем, чем не питали вас отцы и матери ваши — Телом и Кровью Своею. Скажете, как можно дать свое тело и кровь в пищу? Человеку сделать нельзя, но Богочеловеку — можно. Спросите, для чего такое чудесное питание? Для того, что все прочее питание наше питает нас на время, одно тело, а души не может питать; а Тело и Кровь Господа насыщают самую душу, на целую вечность. Насыщают и врачуют, врачуют не одну язву, а все существо наше — от того яда, которым мы заразились еще в раю от змия, через вкушение от плода запрещенного.

Но, любезные дети, питаясь здесь таким божественным, всецелительным брашном, надобно помнить, что принимающий его обязан наблюдать строжайшее воздержание во всем; всякая неумеренность, всякий безрассудный порыв сил душевных и телесных, будет ли состоять он из гнева, зависти, непослушания, лени, или рассеянности — ослабляет силу пренебесного врачевства.

Вот, любезные дети, что будет делать для вас здесь милосердный Господь, и что надобно для Него делать вам!

Когда вы будете внимательны к словам Господа, будете слушать и исполнять Его повеления, будете соединяться с Ним верою, надеждою и любовью: то Он не остановится на том, что уже сделал для вас, не останется в сем храме; нет, Он перейдет на обитание в самые души и сердца ваши. Ибо душа человеческая сама, по природе своей, должна быть храмом Божиим и жилищем Пресвятаго Духа, и, если не есть такою, то по причине своего падения и нечистоты. Самые храмы внешние создаются и освящаются не для чего другого, как для напоминания человеку о возобновлении и освящении его храма внутреннего, и для содействия к тому.

Итак, по совершении молитв в сем храме, выходя из него, спрашивайте, хотя изредка, одну другую: о если бы, любезная сестра, нам всегда быть храмами Святаго Духа! Аминь.

Слово при освящении церкви при Вологодском архиерейском доме, во имя всех угодников вологодских

От молитв и песнопений время прейти к собеседованию и слову, но сердце мое прежде всякого слова обращает меня снова к молитве. Чувствую нужду благодарить и молить. Кого? Тебя, Существо триипостасное, Боже Отче, Сыне и Душе Святыи, Тебя, от коего нисходит всякое даяние благо и всяк дар совершен, без коего мы сами по себе не можем и помыслить, тем паче совершить что либо доброго. От Тебя низошла к нам мысль — устроить сей дом молитвы; Твоею благодатью воодушевлялись мы в препобеждении трудностей сего святого дела; Твоим вседержавным именем положена ныне на нем и печать освящения: Тебе убо единому подобает за сие слава, честь и благодарение! — Призри с высоты святыя славы своея, и даруй, да все входящие во храм сей исходят из него со освящением души и тела! Да счастливые обретают здесь побуждение употреблять дары счастья в славу Твою и благо ближних; да несчастные износят отсюда утешение и силы к благодушному несению креста своего; да кающийся грешник слышит здесь глас помилования, а нераскаянный да объемлется здесь спасительным предчувствием суда будущего и мук вечных; да всяк просияет здесь приемлет, и ищай обретает! О сем молим Твою благодать днесь, и будем молить выну, доколе вседержавной воле Твоей угодно будет внимать здесь нашим слабым молитвам.

Приимите храм сей под молитвенный покров ваш и вы, святыя угодники и чудотворцы вологодские, имени коих посвящен он! Мы твердо веруем, что дух ваш молитвенно носится над всею странюю нашею, что всяк обращающийся к вам с молитвою, где бы ни был, находит у вас благовременную помощь, но нам хотелось иметь видимое, постоянное место, где бы мы могли обращаться ко всем вам в молитве, и обретать вас вкупе. Где же быть сему месту, как не здесь, откуда, посредством иерархического священнодействия, исходит освящение на всю страну нашу? Не оставляйте же, угодники Божий, сего дома молитвы вашим невидимым присутствием; предстойте сами на страже духовного вертограда вологодского; очищайте, дополняйте, воодушевляйте наши хладныя молитвы вашим огнем серафимским, да возможем священнотайне низводить здесь благодать освящения на тех, кои должны потом освящать таинствами всех и каждого.

Обращаясь от сей молитвы к собеседованию с вами, братие, я прежде всего должен поделиться с вами чувством духовной радости. Итак, мы будем отселе иметь храм во имя всех святыя молитвенников и предстателей страны нашей. Кто из нас, в день памяти каждого из них, не желал бы стоять и молиться у самых святыя мощей угодника Божия? Но это невозможно. В замене сего, мы будем иметь теперь возможность собираться в сии дни здесь, составлять в честь каждого праведника духовное празднество, и таким образом поддерживать духовный союз наш с ними. Мысль сия радует мое сердце, и, без сомнения, обрадует каждого, кто верует в силу молитвенного ходатайства о нас святыя Божиих.

И как не веровать в сие? Не таков ли вообще порядок вещей и на земле, между нами, что совершенный возрастом служит опорю для малолетнего, мудрый и опытный для недалъновидного и незнающаго, богатый для беднаго, сильный и могущественный для слабого и малозначительнаго? Что же все мы в отношении к небожителям, как не дети малолетние, как не существа недалъновидныя, немощныя, всенуждающияся? На что, с другой стороны, употреблять и им свое духовное богатство, силу, мудрость, как не на помощь нам, земным братьям их? Тем паче, когда сие входит в план мироправления Божественнаго, по коему все существа разумныя, на земле и на небе, составляют единое семейство Отца Небеснаго, где старшыя должны помогать и служить младшим, доколе все не придут в меру возраста чад Божиих. В силу сего

закона любви самые Ангелы, по свидетельству святого Павла, все суть «служебнии дуси, в служение посылаемы за хотящих наследовати спасение» ([Евр. 1:14](#)); в силу сего же закона и святые Божии, сии новые Ангелы, все суть нашими наставниками, защитниками и хранителями. В сию высокую должность, как свидетельствует слово Божие, они вступают еще в продолжение жизни своей, обложенные немощною плотью. Так, Авраам ходатайствует за грады, уже осужденные правосудием небесным на казнь; и Господь благоутробно внемлет его ходатайству, и обещает переменить грозное определение, если в осужденных градах обрящется десять праведников. Моисей делает еще более: дерзает один стать за целый народ, осужденный на истребление, кладет на весы милосердия, в цену избавления, собственное вечное спасение; и что же? Народ спасен, даже ущедрен новыми милостями. Кто спас и в нашей стране целый град, и отвратил каменную тучу над ним висевшую? Не один ли праведник — святой Прокопий Устюжский? Если один мог сделать столь великое чудо, то чего не в состоянии сделать все предстатели страны нашей? И если они так сильны были на земле, то какой помощи нельзя ожидать от них с неба? И се, они все теперь здесь, с нами, каждый с своею молитвою, каждый со своим благословением, каждый с примером своей жизни! Сия мысль радует мое сердце, веселит дух, заставляет благодарить и славить.

Но, братие мои, радуясь таким образом, и праведно, о внешнем приближении нашем к святым покровителям страны нашей, не забудем при сем, что сие приближение, без поддержания и укрепления внутреннего союза с ними в духе, нравах и жизни, не приблизит ни их к нам, ни нас к ним. Древний Израиль, подобно нам, уповал некогда на молитвы и заступление пред Богом святых праотцов своих. И действительно, доколе народ израильский старался быть достойным их святого покровительства, усиливался ходить по чистым и святым стопам их; доколе, несмотря на все слабости и недостатки свои, пользовался особенною милостью Божией. Но когда, по надежде на заступление святых праотцов, народ израильский уснул сном греха и нераскаянности; то Вышний отвратил от него лицо Свое и, чтобы Израиль не продолжал обольщаться ложною надеждою, громко устами одного из пророков изрек ему: «аще станут Моисей и Самуил пред лицом Моим, несть душа Моя к людем сим» ([Иер. 15:1](#)). То же может быть и с нами, если мы, в надежде на видимую близость к нам святых, дерзнем предаваться беспечности и нерадеть об освящении себя верою живою и делами благими. Святой святых услышит молитву самых святых о грешниках нераскаянных. Дерзнут ли ходатайствовать о таковых самые праведники? Если и на земле, между нами, никто не приемлет на себя ходатайства о человеке неисправимом: кольми паче на небе, где нет и не может быть никакого лицепрятия. Если святые, по преизбытку любви небесной, и будут продолжать молить у престола благодати о таковом грешнике: то конечно не о том, чтобы все спелось в руку его, а о том, чтобы, для возбуждения от смертного сна греховного, возгремел над ним гром небесный.

Приходя убо, с освящением храма сего, в ближайший видимый союз со святыми покровителями страны нашей, возревнуем об укреплении и расширении невидимого духовного союза с ними. А для сего будем подражать их жизни и подвигам. Собор их так, благодатью Божией, велик и разнообразен, что всякое состояние имеет в них для себя образец, по роду и виду своему. Желают ли пастыри и учителя духовные видеть, как должно предстоять стаду Христову, как совершать священнодействие слова и таинств, как право править слово истины? — Се пред вами святой Стефан, Питирим и Антоний, положившие за Евангелие самую душу свою. Нужен ли для мудрых образец, как не ослепляться блеском мудрости земной, как буйство Креста Христова ставить выше всех мирских познаний? Се пред нами святой Прокопий Устюжский, святой Андрей Тотемский, кои до того простерлись в исполнении заповеди самоотвержения, что всю жизнь были буими Христа ради. Святые благоверные князья Иоасаф и Игнатий покажут сильным и богатым, как не полагаться на богатство погибающее, на силу и

могущество сокрушающиеся, как уметь вменять вся в уметы — и славу и богатство, чтобы приобрести и не потерять Христа. Святой Корнилий Комельский, Дионисий Глушицкий, Феодосии Тотемский, с собором преподобных, ожидают только желанья и охоты от тех, кои посвятили себя житию иноческому, чтобы руководить их и примером и молитвами своими по узкому пути жизни пустынной.

«Имуще убо, — заключим словами апостола, — ...толик... облажащ нас облак свидетелей, и непрестанно орошаемы из сего облака росю благословений небесных, ...терпением да течем на предлежащий всем нам подвиг спасения, взирающе» непрестанно на самого начальника веры и Совершителя спасения нашего, Господа Иисуса» ([Евр. 12:1—2](#)). Аминь.

Слово по освящении нового кладбищенского храма, что на Холодной горе, во имя всех святых

Изшед ныне на место сие для собеседования с вами, братие мои, по случаю освящения храма сего, вполне чувствуем, что мы находимся теперь не только посреди живых, но более, думаю, гораздо более умерших. К кому первее обратиться нам со словом: к живым или мертвым? С живыми нередко доводится нам беседовать в других местах, а с мертвыми, zde почивающими, мы видимся таким образом, как ныне, еще в первый раз. Самый храм сей, теперь освященный, более для мертвых, нежели для живых, у коих есть немало других храмов. Итак, поелику нынешнее торжество и радость принадлежат преимущественно умершим, то к ним первым обратится и слово наше. Да соделает Господь, чтобы оно, обращенное и к умершим, было не мертво, а живо силою и действием Того, пред Коим нет мертвых, а все живы!

Что же мы скажем ныне усопшим братьям нашим, zde почивающим, и, как мнится, zde теперь присутствующим? Живым мы говорим: веруйте и уповайте; они от веры и упования прешли уже к видению, и зрят теперь пред собою то, чего мы еще только надеемся. Живым мы говорим: покайтесь и сотворите плоды, достойны покаяния; для них время, данное на покаяние, кончилось, и предначались суд и воздаяние. Живым мы говорим: памяуйте ваш час последний и приготовляйтесь к переходу в вечность; они уже прошли посреде сени смертной и вышли на он — полбытия.

Но, усопшие братия и сестры о Христе, ужели ваше нынешнее бытие состоит из единого бездействия? Жизнь разумной и богоподобной души есть чувство, мысль и желание, а где мысль и желание, там и действие духовное. Итак, мыслите, чувствуйте и желайте сообразно тем молитвам, кои возносит о вас Святая Церковь; усвойте себе, сколько можете, те блага, кои она испрашивает для вас, ибо она не может испрашивать для вас невозможного. Се храм всех святых, для вас сооруженный! Избирайте, кого угодно, из них в заступники и руководители для себя: по воле всемилосердного Господа, ни один из них не отречется оказать благовременную помощь, только б была в вас способность приять ее. Для сего не попускайте угасать в себе дару благодати, преподанному вам в Святых Таинствах Церкви, при исходе вашем от нас. Стекайтесь вкупе у сего престола благодати, утвержденного среди мрачных жилищ; питайтесь словом Божиим и песнопениями церковными, кои будут неоскудно возглашаться здесь; освящайтесь кровью завета вечного, которая будет изливаться здесь во искупление грехов всего мира; парите вместе с фимиамом на крылах молитв церковных гор — к сонму «духом праведник совершенных» ([Евр. 12:23](#)). Более сего, что ныне с освящением храма сего сделано для вас, ничего не могла сделать любовь к вам братий и сродников ваших, zde оставшихся. Употребляйте убо во благо свое, как знаете и можете, сделанное для вас: и, если кто из вас имеет дерзновение ко Господу, то не оставляйте возносить мольбу за боголюбивых создателей храма сего, да обретут они у Него благодать и милость.

Хотя мы обращались доселе к умершим, но уповаем, что сказанное к ним не будет бесполезно и для нас живых. Ибо умершим не быть уже, подобно нам, живыми на земле сей; а нам всем неминуемо предлежит соделаться, подобно им, мертвыми. Заранее посему, еще в жизни сей, надобно узнавать о всем том, что может служить нам на пользу — по смерти, и узнавая, стараться о приобретении того. Посему-то, намереваясь теперь побеседовать и с вами, братие, живыми, не знаем, как лучше говорить с вами, как еще с живыми, или уже как с умершими. Ибо долго ли нам оставаться в живых? А посреди мертвых надобно будет почивать долго, долго. Впрочем, как в других случаях, так и здесь есть середина: будем говорить с вами, как с живущими еще, но скоро имеющими умереть, как с существами, находящимися во

времени, но пред коими — вечность!

Пред нами — вечность!.. Ах, братие мои, обращали ль вы когда-либо к самим себе сии грозные и потрясающие душу слова, и размышляли ль когда-либо о сем важном предмете?.. Мысль о вечности всегда производила великое действие: она воодушевляла мучеников и делала для них нестрашными самые лютые страдания; она затворяла в пустыне подвижников и доводила их до подвигов самоотвержения нечеловеческого; она останавливала даже закоренелых грешников на пути беззакония и подавала им мужество сразиться с своими страстями. Чего бы размышление о вечности не могло произвести и над нами, если бы мы, внимая спасению души своею, хотя по временам, умели ему предаваться, как должно!

Нам предстоит вечность! Итак, все временное, как бы оно ни казалось важным, есть яко ничто в сравнении с вечностью. Слава, чести, достоинства, титулы и отличия — ничто; ибо они в час смерти спадут с нас, как падают теперь листья с дерев. Много ли их было на дереве, или мало, все равно, дерево голо. Богатство, стяжания, дома, вертограды, — ничто: ибо из всего этого ничего не пойдет за нами — в вечность, все достанется другим, может быть, даже врагам нашим, и употребится против наших желаний и намерений. Самые горести и бедствия, от коих мы в этой жизни плакали, роптали, не знали, где найти места — ничто; ибо в час смерти они явятся, якоже небывшие.

Нам предстоит вечность! Убо существенно важно для меня одно то, что может прейти со мною в другой мир. Пусть что-либо не имеет никакой важности для временного пребывания моего на земле, пусть даже вредит ему, но если оно окажет для меня благотворное действие в вечности, то я буду дорожить им, как сокровищем, употреблю на приобретение его все силы и средства.

Нам предстоит вечность! Итак, чистое безумие было бы, забывая вечное, предаваться временному и тленному. Подобное же безумие было бы не употреблять временного для приобретения вечного, коль скоро можно делать это. Нет, что не буду я делать на земле, никогда не буду делать для одной земли, а всегда буду иметь в виду небо и вечность. Встретит ли меня счастье, — я воспользуюсь дарами его для служения Богу и человечеству, для искупления грехов моих делами сострадания и помощи бедствующим собратиям моим. Постигнут ли меня искушения, — я принесу их в духе смирения и преданности, обращая скорбь и слезы мои на пользу душе моей.

Пред нами вечность! Что же ты, богач, беспечно дремлешь на ложе своем, говоришь безумно душе своей: яжде, пей и веселися, и не спешишь на помощь Лазарю, который, может быть, один только будет в состоянии устудить язык твой, когда ты будешь объят пламенем геенским?

Пред нами вечность! Что же ты, мудрец, считаешь камни и травы, чертишь числа и фигуры, взвешиваешь и разлагаешь стихии, а не помыслишь, какая стихия ожидает тебя по ту сторону гроба, из каких фигур состоит образ нравственного бытия твоего, какое число, агнее или зверино, начертано незримо на челе твоём?

Пред нами вечность! Что же ты, жестокий властелин, томишь безпощадно подручных твоих, кои, не находя защиты против тебя на земле, давно уже перенесли дело свое на небо, и готовятся предстать с тобою на Страшный Суд Божий?

Одно могло бы успокаивать нас при мысли о вечности — если бы все равно было, как ни вступить во врата ее, с душою и совестью чистою, или обремененною неправдами и грехопадениями. Но можно ли думать таким образом? Как? Для тебя, как отца, противен сын непокорный и развратный, и ты готов лишить его наследства; а Отец Небесный, Коего святость неизменна, будет без разбора принимать в объятия свои сынов погибельных и нераскаянных? Для тебя, как властелина, нестерпим слуга неверный, составлявший ковы на твою жизнь, а

Владыка Небесный растворит чертог Свой для грешника ожесточенного, который не хочет знать Его святых законов, коему его страсти и самолюбие суть вместо всякого божества? Нет, если мы, зли суще и нечисты, не можем терпеть в других беззаконий и неправд; то Тот, иже есть по существу истина и правда, чистота и святость, тем паче не может быть едино с грешником. «Не приселится к тебе, Господи, всяк лукавнуяй!» ([Пс. 5:5](#)). И если бы Ты, по преизбытку милосердия твоего, допустил его к себе; то он сам, за лукавство и нечистоту свою, исчез бы от неприступной славы Твоего лица; ибо Ты еси «огнь поядаяй» беззаконные ([Евр. 12:29](#)).

А когда так, то что значит наше невнимание к вечности, нас ожидающей, и наше нерадение о приготовлении себя к ней? Значит, что мы потеряли вовсе из виду наше предназначение, и прах сует земных до того ослепил душевные очи наши, что мы не видим бездны, в которую стремимся!

Возбудимся же от сего пагубного нечувствия! «Довлеет», скажем словами апостола Петра, «довлеет нам всем ...мимошедшее время жития волю языческую и греховную творившим, хождшим в нечистотах, в похотех, ...в пьянстве, в козлогласованиих, в лихоимании и прочих мерзостях греховных» ([1 Пет. 4:3](#)). Довольно мы служили и работали безгодне миру суетному; время послужить и поработать Богу и Спасителю нашему. Довольно погубили мы талантов, нам данных, на причинение вреда душе и совести своей: час уже начать думать о покаянии и возвращении в дом отеческий. Пойдем же с праздника нынешнего в дома свои с тем, чтобы не жить так, как жили или паче убивали себя прежде; пойдем и начнем, при помощи Божией, устраивать вечный храм души своей, который теперь лежит в развалинах, дабы, когда придет время явиться сюда и остаться здесь навсегда, близ храма сего, мы обрели здесь место покоища, подобающего тем, кои добре потрудились во времени для вечности, а не место печали и воздыхания, ожидающее грешников нераскаянных. Аминь.

Слово при освящении придела

Что, если бы почивающим окрест храма сего усопшим братьям нашим дано было в нынешний день восстать из гробов своих, прийти сюда и начать беседу с нами, что, думаете вы, сказали бы они теперь нам? Изъявили бы благодарность за попечение наше о сем храме? Без сомнения; ибо храм сей еще важнее для них, нежели для нас, кои положили на него сколько труда и забот; важнее не потому, чтобы не был важен и для нас, а потому, что они гораздо способнее нас чувствовать всю его нужду и важность. О, смерть великий учитель!.. Она научает многому, чему ни у кого не научишься на земле, и первое всего тому, чтобы дорожить верою и добродетелью.

Посему я уверен, что усопшие, начав беседу с нами, первое всего изрекли бы нам следующее: благодарим вас за храм сей! это наилучший дар для всех нас! Отселе мы будем иметь здесь пристанище необуреваемое; отселе и могилы наши будут мирнее, и бранные тела наши спокойнее начнут возлежать в недрах общей матери — земли.

Но, вслед за сим, усопшие сказали бы нам, вероятно, и следующее: братья и друзья!

Поелику вы печетесь о спасении душ наших; то примите в благодарность за сие и от нас наставление. Ведайте, что земная жизнь ваша минет скоро, и окажется потом, яко сон мимошедший; ведайте, что все успехи ваши в делах земных и житейских, коль скоро они не растворены духом веры и любви Христовой, суть ничто для вечности; ведайте, что здесь, где теперь мы, и где скоро будете и вы, ценится единая добродетель и чистота сердца, а все прочее, вами столь высоко ценимое — ваша мудрость стихийная, ваше богатство погибающее, ваша исчезающая слава, ничего не значат: ведайте, наконец, что если вы не успеете омыть грехов ваших слезами покаяния; то вас ожидает здесь такое горе, коему в вашем мире нет и подобия.

Вот что, вероятно, рекли бы нам усопшие братья наши, если бы дано было им в сем храме провещать к нам теперь!

Почему же, спросит кто-либо, не явится никто из них для преподания нам урока правды и истины? Потому, возлюбленные, что мы, как сказано в Евангелии, имеем Моисея и пророков, да послушаем их, а если не захотим слушать Моисея и пророков, то хотя бы кто восстал и из мертвых, не возымеет веры.

Вещь крайне странная — не поверить воскресшему из мертвых: но, когда сам Дух Святой утверждает это в Евангелии, то верно так и было бы; ибо Он знает нас более и лучше, нежели мы сами. Впрочем, вообразим, что какой-либо мертвец явился пред нами: думаете ли, что все бы тотчас признали его за того, кто он есть? Многие, вероятно, тотчас сказали бы — это не он, а только сходный с ним. Так точно было с слепорожденным, коего исцелил Спаситель, хотя он был и не мертвец воскресший, а живой: «овии глаголаху, яко сей есть: инии же глаголаху, яко подобен ему есть» ([Ин. 9:9](#)).

Тем паче сказали бы так последние о воскресшем из мертвых. И те самые, кои поверили бы сначала, думаете ли, что долго остались бы при своей вере? Прошла бы неделя, месяц; и веровавшие прежде начали бы думать: да точно ли я видел умершего? Не подлог ли это был какой? Так подумал бы не один из видевших воскресшего; и в первый раз, вероятно, прогнал бы от себя подобную мысль; а в другой, еще через неделю, еще через месяц; уже без затруднения остановился бы на ней, а потом начал бы думать и говорить: это было что-то необыкновенное и странное, но что же такое, Бог весть! нельзя отвергать, но нельзя и утверждать за верное; ибо мало ли рассказывают подобного?

Так было бы и с видевшими: что же с невидевшими? При первом слухе о том, многие тотчас стали бы против, и огласили бы рассказывающих мечтателями, людьми не сведущими, не

стоящими доверия уже потому, что они рассказывают подобное.

Вообразим даже, что воскресший явился бы перед судьей, подобно как слепорожденный в Евангелии. Чем доказать, что он точно воскрес из мертвых? Сходством с умершим и погребенным? Но разве не бывает двух людей, совершенно похожих один на другого? Рассказом об обстоятельствах своей земной жизни? Но их можно узнать и усвоить себе, хотя бы они были и чужие. Отсутствием тела умершего из его гроба? А разве оно, скажут, не могло быть взято и сокрыто кем-либо? Повествованием о том, что происходит и совершается в другом мире? Но повествуемое само потребует подтверждения, и чем подтвердить его?

Видите, как правильно сказано, что — «аще кто и от мертвых воскреснет, не имут веры!» ([Лк. 16:31](#)). А кто имеет веру, то есть, в чьей душе есть расположенность к невидимому, духовному и вечному, тем паче кто живет по сей вере и удостоился получить в сердце и совести хотя малый залог вечной жизни — частью в совершении подвигов любви и самоотвержения, частью в благодатных озарениях и наслаждениях свыше — для того нет нужды в подобных чудесах и знамениях: он так же уверен в жизни вечной по ту сторону гроба, как голодный уверен, что есть и существует пища для утоления голода, хотя бы он вовсе не видел ее пред собою. Аминь.

Слово по освящении нижней церкви в Харьковском кафедральном соборе

Услышав о новом имени сего возобновленного храма, вероятно, некоторые придут в своих мыслях к вопросу: зачем оставлено прежнее имя и взято новое? Вместо того, чтобы избежать сего вопроса, яко неблагоприятного, мы рады ему, как гостю на нынешний праздник; просим токмо об одном, — чтобы вопрошающий принял труд размыслить вместе с нами о вопрошаемом. Таким образом достигается уже часть цели, для коей последовала самая перемена в наименовании храма.

Ибо, для чего дано ему новое имя? Очевидно, не потому, чтобы прежнее было чем-либо нехорошо. Памятью трех великих святителей исполнена вся Церковь Христова, вся вселенная: сего ли малого храма не могла она наполнить собою? Под святой покров их прибегали, святой пример с них взимали пастыри и учителя всех стран и веков: для нас ли смиренных пастырей града сего могло недоставать их духовного водительства и примера? Пред вами, святители Христовы, открыта душа и сердце наше: вы ведаете, с каким благоговением читаются нами ваши святые творения, воспоминаются ваши святые деяния, с каким чувством веры и любви взираем мы на самое изображение лиц ваших на иконах: с вами хотели бы мы жить, с вами и умереть! Но вы сами, быв еще на земле, возвещали и проповедовали «не себе» ([2 Кор. 4:5](#)), а Христа распятого: водрузить Крест Его в душах и сердцах верующих — было целью всех ваших трудов и всей жизни. Тем паче, преставленные на небо, вы давно, без сомнения, положили уже все венцы свои к подножию Агнца, закланного от сложения мира ([Откр. 4:10](#)). Посему мы совершенно уверены, что творим самое угодное вам, когда храм ваш посвящаем страданиям Того, за Коего вы сами всегда готовы были положить душу свою. Не оставляйте же места вашего в сем храме; научайте нас поклоняться Кресту и страданиям Господа нашего, да, стяжав для себя сию домашнюю Голгофу, не явимся среди ее бесчувственными, подобно иудеям неразумным.

«Но, если прежнее название храма, — еще спросит кто-либо, — не заключало в себе никакого несовершенства, то для чего новое имя? Не по стремлению ли какому-либо к новости?» Нисколько, если разуметь новость в смысле мирском, ибо что Церкви до подобных новостей? Как Основатель и Глава ее Иисус Христос, есть един и тойжде вчера, днесь и во веки, так и она сама свободна от тех непрестанных перемен и превращений, коим подлежит мир и все что в мире, самое высокое и важное. Но есть и в Церкви место новому, тому новому, о коем святой Давид говорит: «приложу на всяку похвалу твою» ([Пс. 70:14](#)), и в другом месте: «пойдут от силы в силу» ([Пс. 83:8](#)), и в третьем: «сия измена десницы Вышняго» ([Пс. 76:11](#)), — тому новому, о коем и святой Павел говорит: «темже оставльше начала Христова слова, на совершение да ведемся: не паки основание покаяния полагающе от мертвых дел, и веры в Бога» ([Евр. 6:1](#)), — тому новому, по силе коего всяк из верующих должен приходиться не только «от веры в веру» ([Рим. 1:17](#)), но и преобразоваться «от славы в славу» ([2 Кор. 3:18](#)), должен соделаться сам храмом Духа Святаго, и окончив земное поприще, явиться к великому Подвигоположнику, для принятия имени нового, «егоже никтоже вест, токмо приемляй» ([Откр. 2:17](#)). По стремлению к сему-то новому, если угодно, дано новое название и сему храму, при настоящем обновлении его. Доселе мы осенялись в сем храме предстательством трех великих святителей Христовых: время уже показать нам хотя некий плод их духовного водительства и попечения о нас. Какой плод? Тот, чтобы приступить к самому великому Архиерею, прошедшему небеса, приступить к тому, что в его служении спасению рода человеческого было самого священного и Божественного, — к Его страданиям и Кресту, коими, яко последнюю жертвою, окончательно и всецело изглажены грехи всего мира и побеждено

царство смерти. Как приблизиться и приступить к сему? Без сомнения, не одним посвящением страданиям Христовым сего храма, а наиболее верой и любовью и деятельным усвоением себе спасительной силы Креста Христова. Но и самое имя Креста в сем отношении вещь неизлишняя: ибо, при нашей всенаклонности к забвению предметов духовных, нам всем весьма нужно постоянное припоминание о них: поелику же Крест Христов и Его страдания суть предметы самые необходимые для нашего спасения, то всего нужнее для нас припоминание о сем Кресте и страданиях, яко источник нашего спасения. И, вот с сей-то стороны храм этот будет служить нам в ежедневное возбуждение мыслей и чувств о сих страданиях; и входя и исходя из него, мы будем невольно представлять себе, кто и как спас нас от греха и смерти.

Хотите ли узнать и, как надеемся, разделить с нами и еще одну мысль, побудившую нас дать новое имя сему храму и посвятить его не другому кому, а Кресту и страстям дражайшего Спасителя нашего? Всегда казалось нам странным, что мы, воздвигая непрестанно храм за храмом, когда посвящаем их даже Спасителю нашему, то всегда посвящаем каким-либо событиям из жизни Его славным и величественным, например Преображению, или Вознесению; даже когда посвящаем их Кресту Его, то избираем обыкновенно всемирное Воздвижение сего Креста, то есть, состояние его уже прославленное. Между тем, во всей стране нашей нет ни одного храма, посвященного прямо страданиям Господним и Кресту в том виде, как он стоял на Голгофе. Принадлежат нам, конечно, и все, самые славные, события в земной жизни Спасителя нашего: ибо что ни делал Он, делал для нас, и что ни было с Ним, происходило также в нашу пользу; но не должно же забывать нам, что спасение мира, а следовательно, и наше совершенно не славою Спасителя, а Его страданиями и смертью за нас. И сим-то страданиям, сей-то искупительной смерти не посвящено у нас ни единого храма! Не будем вникать в причину сего: но явно, что это немаловажный недостаток, который надлежало восполнить при первом случае. Случай сей представился теперь и притом в самом благоприятном виде, ибо храм сей составляет средоточие, и, можно сказать, сердце и главу всех храмов наших. Да будет же он и посвящен воспоминанию того, что составляет средоточие спасения нашего, то есть, страданиям Господним, коими соделано спасение наше «посреди земли» ([Ис. 19:24](#)), как замечает святой Давид.

Из таковых мыслей и чувств, братие мои, проистекло новое название сего храма. Не пренебрежение прежнего наименования, не стремление к новостям руководило нами при сей перемене, а желание почтить память страстей Господних, окружить себя их воспоминанием и приблизиться к ним верой и любовью. Зная вашу христоролюбивую душу и сердце, мы вполне уверены, что вы уже предупредили нас своей радостью о сей перемене, и усвоили ее себе, как бы она произошла с общего нашего согласия.

Теперь другая всем нам забота: как бы действительно достигнуть той цели, какую мы предложили, переменяя название сего храма, то есть, чтобы Голгофа наша (так назовем сей храм) послужила нам, как и всему миру, во спасение, а не в осуждение, как неразумным иудеям. На Голгофе находилось немалое число душ, коих присутствие облегчало страдание Господа: находилась Мать Его с Ее безпредельною преданностью в волю Божию; находился ученик с его николиже отпадающею любовью к Учителю; находились Иосиф и Никодим с их святым дерзновением за истину и правду; находился сотник с его прозорливым вниманием и верой, находился разбойник с его покаянием и исповедью; находились благочестивые жены с их слезами и любовью; из самых жителей Иерусалима многие возвращались в дома свои, «рыдающе и бьюще в перси своя» ([Лк. 23:48](#)). Что увидит среди себя наша Голгофа? Увидит ли подобную преданность и веру? Увидит ли подобное покаяние и исповедь в грехах? Увидит ли слезы и усердие к Иисусу страждущему?

Увидит, братие мои, если мы, посещая храм сей, будем стоять в нем не с рассеянными

мыслями, а с усердным размышлением о страданиях Господа нашего, и будем прилагать их к своему сердцу. Ибо чему не может научить нас страждущий Спаситель наш? Его молитва в саду Гефсиманском научит нас, как молиться и предавать судьбу свою в волю Отца Небесного; Его кроткие ответы судиям неправедным научат нас великодушию и кротости пред гонителями; Его попечение со Креста не только о Матери, но и о кающемся разбойнике, научит нас не оставлять любви к ближним среди самых жестоких скорбей и страданий; Его кроткое предание духа Своего в руке Отца научит нас, как предавать и нам последний дух в сии же руке; Его тяжкие страдания, претерпенные за грехи наши, покажут нам, как ужасен и тяжок грех. Всему научимся у возлюбленного Господа нашего со Креста Его; точию да не являемся пред Ним во храме сем с высокомерием книжников, с лицемерием фарисеев, и с ожесточением первосвященников иудейских. Аминь.

Слово при освящении Харьковского кафедрального собора

И нам, наконец, дано иметь храм! Нам говорю; ибо у всех было по храму, а у нас одних почти не было, потому что бывшее было таково, что вместо радости постоянно возбуждало скорбь. Далеки мы, братие, оттого, чтобы сущность храма полагать во внешнем его великолепии и богатстве украшений: храмы христианские красуются не пурпуром и золотом, а божественными таинствами и усердием молящихся, но нельзя же сказать и того, чтобы домам нашим подобало удобство и благолепие, а храмам Божиим — теснота, мрачность и безобразие. В таком случае обличил бы нас не только святой Давид, стыдившийся обитать в кедровых чертогах, когда кивот завета находился под шатром, но и собственная наша совесть. Между тем, вспомните состояние сего храма: какому храму не уступал он своею внутренностью? Посему-то без сомнения и был он оставлен и как бы забыт всеми. А оставлять и забывать его было не должно уже потому, что это первый храм харьковский; первый, может быть, и по времени, тем паче по назначению. Ибо, как храм кафедральный, он по тому самому есть глава всех прочих храмов, место посвящения для священнослужителей и место собраний всеобщих в нарочитые дни в году. При таком значении и предназначении сего храма печальное состояние его служило укоризною для всего града нашего, и потому было источником печали и смущения для нас. Ибо, что должен был подумать о нас каждый посещающий наш город? Что мы небрежем о церквях Божиих и совершенно холодны к вере. Ибо, где же усердие, если самый первый храм наш был не лучше последнего? Еще было бы извинение, если бы дома наши находились в таком же состоянии, как и храм. Но они-то наипаче и обличали нашу холодность ко храму, ибо все бывающие в городе нашем замечают обширность и красоту его домов. Как вместе с сим было не заметить и скудости сего храма и не осудить нас? Но благодарение Богу, сия укоризна теперь отнята, причина сетования прекратилась, и мы все можем предаться теперь духовной радости. Может быть и теперь иной пожелал бы большего и лучшего. Таковый да ведает, что и мы могли бы не отстать в подобных желаниях: сделано то, что было возможно для нас.

Могущий и желающий да сделает большее: мы первые с радостью уступим над собою победу. Нет, для наружного довольно, надобно устремить теперь мысли ко внутреннему и духовному, то есть, позаботиться о том, чтобы, вместе с обновлением храма, обновиться нравами и жизнью нам самим, и служащим в храме, и входящим в него на молитву. В храме ветхом и темном и наша духовная ветхость не так могла быть приметна; теперь, если останемся с сею ветхостью, то самые стены обновленного храма будут ежедневно обличать нас.

Желаете ли знать, с какими чувствами должно входить в храм, как вести себя в нем, и что делать для освящения души и сердца своего? Вспомните, как изображает святой Иоанн в своем Откровении тех, кои находятся в Церкви небесной, пред Престолом Божиим. Поелику Церковь справедливо называется небом на земле: то и находящимся во храме всего ближе и лучше подражать тем, иже суть в Церкви небесной. Что же заметил там Тайнозритель? Заметил, во-первых, чистоту и беспорочность: «не имат в него внити всяко скверно и творяй мерзость и лжу» ([Откр. 21:27](#)); заметил, во-вторых, всеобщее благоговение и смирение: «и падоша на лица пред престолом и поклонишася» ([Откр. 7:11](#)); заметил, в-третьих, скромность и благоприличие в самом внешнем их положении: «облечены в ризы белы, и финицы в руках их» ([Откр. 7:9](#)).

Не можем мы, обложенные плотью и кровью, являться во храм, подобно небожителям, вовсе без порока. По крайней мере, должны являться во храм за беспорочностью, с желанием и молитвою о том, чтобы Господь воссоздал в нас Своею благодатью сердце чистое и обновил во утробе нашей дух правый. Тем паче уже не позволительно ли в каком случае являться во храм за пороком — для того, например, чтобы соблазнять других, или самим быть соблазненными. Ибо,

к сожалению, и это бывает, что храм — место молитвы обращается в место соблазнительных взглядов, бесед и свиданий. На кого в таком случае походят такие люди? Явно, не на небожителей, а разве на духов тьмы, кои, по допущению свыше, являются иногда у самого Престола Божия, как это видим на искусителе Иова. Что может ожидать таких людей в будущем, как не казнь самая ужасная? Ибо, если вообще горе тому, «имже соблазн приходит» ([Мф. 18:6](#)), такое горе, что, по слову Спасителя, лучше было бы для таких, когда бы с камнем на выи они брошены были в пучину морскую; то судите, какое горе должно ожидать человека, который осмеливается сеять соблазн в самом храме Божиим, уловлять души в погибель пред лицом Самого Владыки неба и земли, у подножия Его Престола?

Второе свойство пребывающих в небесном храме, по указанию Тайновидца, есть их крайнее смирение и благоговение: «и падоша на лица своя» ([Мф. 17:6](#)). При великой непорочности и чистоте их можно бы, казалось, и не повергаясь делу, откровенным, по выражению апостола, лицом взирать на славу Сидящего на Престоле: но и очищенные, и убеленные, и освященные, они помнят, чем были некогда на земле, не забывают своего прежнего недостойнства, и во смирении повергаются долу, к подножию Его Престола. После такого примера, чего надлежало бы ожидать во храме от нас — недостойных и грешных? Того, что большая часть все богослужение будут не стоять, а повергать себя долу, во прах, не смея подобно мытарю возвести очей своих на небо. Подобно сему и поступают некоторые; Святая Церковь с радостью замечает их смирение. Но что сказать о других, особенно о некоторых? Нет, кажется, места, в которое бы они приходили с большим небрежением, дерзостью и, так сказать, неистовством, как во храме. Это для них дом без хозяина, где можно вести себя как угодно. К сожалению, те самые, от коих бы ожидалось противное, кои даже по самому званию своему должны бы служить примером для других, те самые предаются иногда во храмах, то безвременным беседам, то неприличным движениям; и вместо того, чтобы по внушению Церкви, оставив всякое земное попечение, предаться молитве, стараются и для себя, и для других продолжать посредством неблагоразумных бесед суету житейскую. Как не пожалеть о таком забвении и святости храма и собственной чести? Ибо кто из присутствующих во храме не готов осудить такого жалкого самозабвения?

Третье качество небожителей, виденных святым Иоанном на небе, у Престола Божия, состояло в приличии и скромности их внешнего положения: «облечены в ризы белые, и финицы в руках их».

Если Сам святой Тайновидец почел нужным заметить сие обстоятельство; тем паче мы не сделаем излишнего, напомнив о том же, дабы входящие во храм знали, в каком виде являться там. Нужны ли для сего убранства и богатые одежды? Нет, Господь храма равно приемлет и виссон и рубища; ибо ищет не одежд наших, а сердца. Впрочем, если мы, идя в дом людей уважаемых, стараемся не внести в них вместе с собою какой-либо нечистоты, то кольми паче, идя во храм, попечемся о возможной чистоте и благоприличии. Противное может быть извинено токмо разве какой-либо крайностью.

Но заботясь о внешнем благоприличии в храме, тем паче надобно уметь не преступать меру этой заботы. Ибо у некоторых простирается она до того, что в уборании себя проводят значительную часть времени, назначенного для богослужения; посему и поспевают только к половине, а иногда к концу оною. Уже это весьма худо, а еще хуже то, для чего некоторые стараются преукрашать себя таким образом, то есть, чтобы войдя, остановить на себе взоры всех, чтобы превзойти то или другое лицо своим убранством. Об этом ли думать, идя в церковь? Тут ли место соперничеству и зависти? Нет, истинная христианка, собираясь идти в церковь, и имея даже всю возможность удивить своими нарядами, почтет за долг отложить в сторону все пышное и дорогое, и явится без украшений, в простом виде, дабы иначе не сделать из себя

зрелища во храме, и не отвлечь взоров и внимания от святых икон — на себя. Если нужен пример на сие, то возьмем его у небожителей, виденных святым Иоанном. В каком украшении не могли бы они являться пред Престолом Божиим? Но они являются токмо облеченными в одежду белую и с финиками в руках, яко с знамением победы над грехом и страстями. А нам, яко еще не победившим и находящимся на поле сражения, нам, часто падающим и уязвляемым, всего приличнее являться во храмах с знамением печали и сокрушения сердечного.

Совокупим теперь все сказанное воедино. Как должно входить во храм и вести себя в нем? Должно входить сколько можно чистыми и с благоприличием, ибо идем в дом Божий, но без убранств и модных прикрас, ибо на молитву. Должно стоять и вести себя с благоговением и смирением, как подобает кающимся и ищущим помилования грешникам. Должно стараться о том, чтобы пребывание во храме всегда служило к освящению душ наших, и приближало нас к Богу. Тем же, кои, посещая храм, не имеют в виду сего внутреннего самоосвящения, лучше уже оставаться дома, дабы не быть в тягость Господу храма, оставаясь и пред лицом Его с своим нечистым и злым сердцем. Аминь.

Слово по случаю освящения храма

«Наставниче, добро есть нам zde быти: и сотворим сени три: едину Тебе, и едину Моисеови, и едину Илии: не ведый, еже глаголаше» ([Лк. 9:33](#))

В то самое время, как на Фаворе не велят воздвигать и единой сени трем, мы на сей горе уже воздвигли третью сень Единому! Не подходим ли мы потому троекратно под упрек, сделанный апостолу Христову? Если о нем сказано: «не ведый, еже глаголаше»: то о нас не скажут ли еще большего: не ведут, еже творят?

Чувствую я, что сия мысль не весьма приятна для боголюбивых воссоздателей храма сего: но я потому и останавливаюсь на ней, что она, как острый камень, лежит на пути нынешней их радости; для того именно и останавливаюсь, чтобы посредством благоговейного размышления устранить ее с пути, дабы кто-либо из идущих, то есть, желающих возрадоваться в нынешний день, не преткнулся о нее и не пал духом.

Если на Фаворе не одобрена ныне мысль Петрова — сотворить три сени, то надобно знать, почему не одобрена. Две из них предполагалось сотворить для Моисея и Илии, но какая нужда была в земных жилищах для небожителей, кои являлись на земле токмо на краткое время и тотчас должны были снова отойти в вечные и нерукотворенные обители Отца Небесного? Излишня была забота о сени на Фаворе и для Самого Учителя, ибо и Он возшел на сию гору не для обитания, а для временной токмо молитвы. Уже приближалось для Него время оставить не только Фавор, но и самую землю, и возвратиться на небо к Отцу, от Коего Он пришел для совершения дела нашего спасения.

С нами другое! Хотя и обитатели святой горы сей взошли на нее для того чтобы преобразиться на ней тем преображением ума и воли, коих требует от последователей Христовых святой апостол Павел, но вместе с сим они взошли на сию гору с тем обетом, чтобы, после сего преображения, не сходить уже с нее долу, не возвращаться в мир, а оставаться здесь до того часа, в который будут возваны на Сион небесный. В ожидании сего вожделенного часа и зова, они должны каждый день и каждую ночь являться во храм пред лицо Божие для совершения молитв, и приятия пищи духовной. В продолжение летнего времени для сего служит главный храм, но среди бурь осенних и вьюг зимних, не только слабая старость, но и бодрая юность не в силах иногда выносить суровости воздуха в сем храме. Требовалась сень зимняя, которая, доставляя успокоение внешнему человеку, сим самым отклоняла бы препятствия для действий по человеку внутреннему. И вот, устройением сего храма восполнено недостававшее, восполнено так, что теперь, оставив все заботы о вещественном, остается токмо пещись о духовном, то есть, о спасении своих душ.

Значит, подумает кто-либо, мы поступили на своей горе лучше, нежели как верховный апостол поступил на Фаворе. Нет, возлюбленный собрат, довольно с нас и того, если мы поступили, как нам было нужно. На Фаворе, вероятно, и мы, даже с нынешним ведением тайн спасения, в то время не открытых вполне еще и апостолам, не удержались бы изрещи подобное тому, что сказано от полноты восторга святым Петром. Ибо кто не пожелал бы продлить для себя видения славы Фаворской в лице Христовом? Но апостол и в сем случае показывает самозабвение, его достойное. Мы, вероятно, позаботились бы устроить первое всего сени и жилища для самих себя, а потом для Моисея и Илии, а святой Петр совершенно забывает себя и заботится только о том, чтобы устроить на Фаворе кров и пристанище для Учителя и небожителей, с Ним теперь беседовавших.

Но зачем и для чего сравнения? Довольно сказать, что мы за воздвижение сей святой сени, хотя она и третья уже на сей горе, не подлежим упреку Фаворскому. И вот доказательство сна

сие: преобразившийся ныне на Фаворе Господь не только не уклонился от этой новой сени нашей, как от Петровой на Фаворе; но избрал ее в обитель для Себя, и утвердил отныне среди ее видимый престол благодати своей. Посему здесь, в таинствах и богослужении церковном, будет происходить подобное тому, что было на Фаворе; будет, то есть, видеться божественная слава Спасителя, будет слышаться глас Отца, свидетельствующий о Сыне, будут являться Моисей и Илия с их пророчествами. Здесь будет даже более, нежели на Фаворе: а именно: вертеп с яслями, Иордан с крещением, Голгофа с крестом и воскресением, Елеон с возносящимся Господом, горница Сионская с огненными языками Духа. Все это, говорю, будет в нашей новой сени; потому что в богослужении нашем изображается и как бы повторяется вся земная жизнь Господа нашего.

Какое богатство назидания для душ верующих! Сколько новых уз, влекущих ко Христу! Сколько пищи для сердца, утешения в печали, ободрения на подвиги духовные!

Воздвигнемся же и мы верою, смирением, любовью, терпением, упованием. Начнем дружнее и прилежнее работать над воссозданием в самих нас той божественной скинии, для которой устроятся и все храмы на земле, которая, будучи раз воссоздана, не престанет существовать вечно. Вы знаете, о чем говорил некогда и апостол Петр, когда писал ученикам своим следующее: «К Немуже (Христу Спасителю) приходяще, камени живу, от человек убо уничижену от Бога же избрану честну И сами, яко камение живо, зиждетесь в храм духовен, святительство свято, возносити жертвы духовны, благоприятны Богови» ([1 Пет. 2:4—5](#)).

Видите, к чему мы все предназначены! Не ходить только в храмы, а и самим быть храмами; не приносить только в жертву что-либо малое или великое, а самим обратиться в жертву Господеви. Будем ли уклоняться сей чести потому токмо, что она велика и безмерна? Но Господь знает, к чему вести нас, и доведет, если токмо будем послушны гласу Его и верны обетам своим. Аминь.

Слово по освящении церкви

«Господи Боже Израилев! несть якоже Ты Бог на небеси горе и на земли низу... аще небо, и небо небесе не довлеют Ти, кольми паче храм сей, егоже создах имени Твоему? И да призриши на молитву мою... еюже молится раб Твой пред Тобою... да будут очи Твои отверсты на храм сей день и ночь... и услышиши молитву ...людей Твоих... о них-же помолятся на месте сем,... и милостив будещи неправдам их, ими же согрешиша Ти,... яко да уразумеют всилудие земнии,... яко имя Твое наречеса на храме сем, егоже... создах имени Твоему» ([3 Цар. 8:23, 27—29, 30, 43—44, 50,](#))

Такою молитвою молился некогда всенародно премудрый царь Израилев пред Господом о новосозданном храме своем в Иерусалиме. Ту же самую молитву повторяли и мы, при освящении храма сего. Нет сомнения, что и христоролюбивые воссоздатели его, разделяли ее вместе с нами. После сего для всех нас должно быть и любопытно и поучительно знать, какой же ответ дан был Соломону на его молитву о храме? Вот он:

«И явился Господь Соломону, ...и рече к нему Господь: услышах глас молитвы твоея и моления твоего, имже молился еси предо Мною: сотворих ти по всей молитве твоей, и освятих храм сей, егоже создал еси, еже положити имя Мое тамо во веки, и будут очи Мои ту и сердце Мое во вся дни: и ты аще пойдеша предо Мною, якоже ходи Давид отец твой в преподобии сердца и в правоте, и еже творити по всем, яже заповедах ему, и повеления Моя и заповеди Моя сохраниши: и возставлю престол царствия твоего во Израили во веки, якоже глаголах к Давиду отцу твоему, глаголя: не оскудеет ти муж властелин во Израили. Аще же отвращающесе отворотитесь вы, и чада ваша от Мене, и не сохраните заповедий Моих и повелений Моих, яже даде Моисей пред вами, и пойдете и поработаете богом иным и поклонитесь им: и изрину Израиля из земли, юже дах им, и храм сей, егоже освятих имени Моему, отвергу от лица Моего: и будет Израиль в погубление и во глаголение всем людем: и дом сей будет высокий, всяк преходяй сквозе его ужаснется, и возсвищет и речет: чесо ради сотвори Господь тако земли сей и храму сему; и рекут: понеже оставиша Господа Бога своего, иже изведе отцы их из Египта, из дому работы, и прияша боги чуждые, и поклонишася им и поработаша им, сего ради наведе на ня Господь зло сие» ([3 Цар. 9:2—10](#)). Так отвечивал Господь Соломону на его молитву о новосозданном им храме Иерусалимском! Ответ вполне божественный, ибо в нем Испытующий сердца и утробы проникает до глубины души царственного храмоздателя, объемлет взором и словом Своим не только прошедшее и настоящее, но и все будущее, — более дарствует, нежели приемлет; обещает и учит; похваляет и вразумляет.

Можно ли воссоздателям храма сего усвоить себе сей ответ, данный Соломону? Не только можно, но и должно. Господь и ныне, как во времена Соломона со благоволением приемлет все, что творится во славу Его пресвятого имени. И что же ближе может быть посвящено сему всесвятому имени, как не дом молитвы? Если где, то в храме тысячи рук и очей прямо поднимаются к небу; тысячи уст прямо отверзаются на молитву; тысячи душ и сердец вступают в видимое собеседование с Богом. Может ли такое место не обратить на себя благоволительного внимания. Того, Кто сказал о Себе: «идеже... еста два, или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их» ([Мф. 18:20](#)). Но во храме происходит еще более: здесь приносится безкровная жертва о грехах всего мира: могут ли очи Отца не быть отверсты на то место, где кровь Его Сына?

Святая Церковь вполне чувствует всю важность подобных мест, то есть, храмов; и вы видели, сколько употребляет она молитв, коленопреклонений, тайных и явных священнодействий, знамений и символов, дабы основать, утвердить и благоукрасить во храме

место селения для славы Божией. — После всего этого о каждом храме воистину можно сказать то, что патриарх Иаков изрек некогда о месте явления ему Господа: «страшно место сие, несть сие, но дом Божий, и сия врата небесная» ([Быт. 28:17](#)).

Да возрадуется убо сердце и душа тех, кои удостоились послужить воссозданию и благоукрашению сего дома Божия! Я говорю удостоились, ибо прочь от нас та ложная и нечистая мысль, яко мы сделали сим какое-либо одолжение Господу. Если есть в сем случае одолжение, то для нас самих, состоящее в том, что Всевышний и Вездесущий низшел до нашей милости, и несмотря на то, что Его не может вместить небо и небо небесе, благоволил возобитать в сем храме. Но тем не менее воздвигшие сей храм Господу, подобно Соломону, могут ожидать и надеяться всякой милости и благословения от Господа храма, который по самому величию Его не может оставаться в долгу у нас в каком бы то ни было отношении, и без сомнения найдет случай и средство воздать с лихвою за то, что принесено ему в жертву. Пример Соломона показывает, что премудрость Божия не ожидает в сем случае даже вечности для вознаграждения создателей храма, а сопровождает их благословением еще при жизни их, простирая оное на все их потомство. После сего мы имеем право сказать, что в настоящий день, может быть, решилась судьба сих малых птенцов, хотя они по малолетству своему, менее всех могли принимать разумное участие в том, что совершалось здесь.

Но, усваивая, в известной мере, создателям храма сего обетования Божий, изреченные создателю храма Иерусалимского, тем паче не можем не остановить внимания их на том условии, под коим изречены были сии обетования. Ибо Господь за создание храма обещает, как мы видели, благословение Соломону и потомству его, не просто, а в том случае, если он и потомки его не будут отвращать от Него лица своего и ходить на поклонение к богам иным. Не почитет и на создателях храма сего благословение Божие, если они допустят увлечь себя служением богам чуждым, если не научат чад своих быть верными единому Богу истинному. Нет нужды много изъяснять, что это за боги иные, служение коим лишает нас благословения от Бога истинного. Во времена Соломона это были идолы и кумиры богов языческих. Ныне не падает пред сими истуканами самое малое дитя, но зато ныне есть другие невидимые лжебоги, пред коими нередко повергаются в прах самые исполины мира. Это идолы страстей и истуканы господствующих в мире пороков. Посмотрите, например, на человека, преданного плотоугодию: кто его бог? Явно, его чрево, коему приносит он в жертву все. Посмотрите на сребролюбивого, кто его бог? Явно, корысть и прибыль, кои ставятся им выше всего. Не ищите и у преданных другим страстям иных богов, кроме предметов сих же самых страстей. Но в чьем сердце дано вселиться сим нечистым божествам, там по необходимости нет уже места для Бога истинного. Ибо, может ли Он Всесовершенный довольствоваться частью нашего сердца и разделять Свое владычество над ним с истуканами страстей наших? Одно из двух неизбежно: или они все должны пасть и исчезнуть, или Он оставит сердце наше, вместе со всеми благословениями Своими.

Поймем же тайну нашего истинного благоденствия во времени и в вечности: то и другое всецело зависит от нашей верности Богу истинному. Пребудем верны; и из сего храма, от сего Престола славы Божией прильются на нас все благословения, временные и вечные. Не будем верны: и самый храм обратится в обличие наше. Почему обратится в обличие? Потому что сооружение его свидетельствует, что мы были близки к Господу и Господь был надалек от нас, но удалился потом, гонимый нашею неверностью.

Соломон, увлеченный соблазнами плоти и крови, не сдержал, как известно, условия, под коим обещано было услышать молитву его о храме; почему и царственное потомство его лишено благословения Божия, обещанного за создание храма, и самый храм, им воздвигнутый, разрушен иноплеменниками. Пример страшный, но он не должен смущать и приводить в

уныние христолюбивых воссоздателей сего храма, а должен только постоянно располагать их к неослабному бдению над своим сердцем и жизнью и к прилежнейшему воспитанию чад своих в страхе Божиим. Было бы только с нашей стороны искреннее желание служить Господу в чистоте и истине, а Он Всемогущий Сам найдет средство подкрепить нашу немощь и устранить нашу неверность, даже заглаждать покаянием наши вольные и невольные грехопадения. Аминь.

Слово по освящении храма

Итак, дело кончено, — храм освящен!.. Нет, возлюбленный о Христе строитель храма, не кончено, далеко не кончено... Слава Богу, если токмо начато, как должно; тем паче, если продолжается благоуспешно. Не кончено дело, ибо, скажете, для чего устроен храм сей? Ужели для того, чтобы святыня заключена была в стенах его, как мертвое сокровище в ковчеге, и никуда не исходила из оных? Без сомнения, не для сего, а для противного: то есть, чтобы она, открывшись здесь как источник жизни, струилась отсюда непрестанно, преходила в дома и жилища наши, напаяя собою души и сердца, спасая их от зноя страстей, от окаменения во грехе, питая в них семена, цветы и плоды духовные, то есть святые мысли, чувства и деяния. Скажем более — храм сей есть токмо одно из средств к воссозданию внутри нас того храма, о коем говорит апостол: «или не весте, яко телеса ваша храм живущаго в вас Святаго Духа суть?» ([1 Кор. 6:19](#)). Но готов ли сей внутренний храм? Освящен ли он, как должно? Слава Богу, если токмо начать зданием по надлежащему; тем паче, если созидание его продолжается безостановочно и с успехом.

Говоря таким образом, мы нисколько не желаем умалять настоящей радости о создании и освящении сего прекрасного храма. Как не радоваться, видя, что на сем, недавно еще пустынном месте, воздвигся дом Божий и утверждено видимое жилище благодати? Как не радоваться, что целые тысячи душ, кои за отдалением от храма едва разв год имели возможность быть при богослужении, теперь каждый день воскресный будут стекаться сюда на молитву, на питание души своей словом жизни и на освящение себя таинствами Святыя Церкви? Все сие радует и нас радостью великою.

Но не должно же и среди радости забывать о собственном благе и думать, что когда получено средство, то достигнута и цель; нет, ее надобно еще достигать, для сего надобно еще думать и немало трудиться.

Мы сказали уже, какая это цель, — это наше внутреннее освящение, это воссоздание в нас храма духовного, это наше собственное, так сказать, воцерковление. К сей именно великой и святой цели, как средство, должен служить храм сей. Без сего он будет яко свидетель нашего внутреннего запустения.

Слово на освящение церкви

«Освятителъ естъ селение Свое Вышній» ([Пс. 45:5](#))

И кто же может освятить что-либо, кроме Его, Всевышнего и Всеосвящающаго? Тем паче, кто может освятить селение Вышняго, если не Сам Всевышній?

Итак, не думайте, братие мои, и не говорите, что храм освящен нами. Мы были точию слабым орудием при сем тайнодействии, и не столько освящали, сколько сами освящались тем, что здесь совершалось. «Освятителъ естъ селение Свое Вышній». Здесь действовала та же сила, которая извела из небытия все сущее, которая водрузила над главами нашими солнце и рассыпала мириады звезд, та же сила, которая разлила по земле моря, заставила течь реки, возвысила горы, и ежегодно обновляет и украшает лицо всея земли, изводя из нее обильно все, необходимое на потребу человека.

А если так, то и не смотрите, братие, с сих пор на храм сей, как на простое здание, как на дело рук человеческих. Нет, это уже теперь не обыкновенное место собраний, а селение Вышняго, это чертог Царя славы, страшный и досточтимый для самых Херувимов и Серафимов. Здесь — отныне — будет совершаться и тайнодействоваться то, чего нет на самом Небе, несмотря на все его величие; ибо здесь будет совершаться Таинство Пречистого Тела и Крови Сына Божия.

О, чудо снисхождения к нам любви Божией! Что мы употребляем на созидание храмов Господних? Одни избытки от стяжаний наших, кои, впрочем, сами суть дар любви Божией, а сия любовь? Она в каждый храм приносит Тело и Кровь свою, и для чего приносит? Не показать их токмо нам, хотя бы и это было знаком великой милости, а предать в снедь верным, и как предать? Не раз или два, а, если захотим, каждый день, поставляя, таким образом, сама себя наряду с нашим ежедневным питанием.

Забудем же все труды, понесенные при создании сего храма; да не вспомнится нами ни одна из жертв, на него употребленных. Да останется и да господствует в душе и сердце единая благодарность за то, что Господь не отринул нашего усердия, удостоил нас послужить чем могли селению славы Его. А вместе с сим да не замедлим воспользоваться новым престолом благодати, среди нас водруженным. Ибо для чего освятителъ естъ селение Свое Вышній? Для Себя ли Самого? Земные властелины созидают чертоги для самих себя, ибо, яко подобные нам люди, имеют нужду в крове и пристанище. Царь Небесный свободен от таких нужд; Он, если благоволит устроить Себе селение среди нас, то для нас же самих, дабы мы знали, где находить Его, Беспредельного, дабы видели, куда притекать для приятия от Него света и истины, благодати и помилования, духа и жизни.

Можно и без храма находить доступ ко Всевышнему, как и находили его некогда праотцы, когда во всем мире не было ни единого храма, и как находят его и ныне те, кои жребием своей жизни удалены от всех храмов. Но тем непростительнее, имея среди жилищ своих селение Всевышнего и приснотекущий в нем источник благодати и освящения, не уметь, или не хотеть черпать из него и оставаться в отдалении по духу от Господа. В таком случае самый храм, вместо того чтобы быть ходатаем за нас, возглаголет противу нас. Что же должно делать, чтобы храм сей принес нам всю душевную пользу? Во-первых, чаще посещать его. Надобно бы посещать, если бы богослужение совершалось и каждый день, ибо отказались ли бы мы быть у царя, если бы он приглашал нас, каждый день? Но тем паче не должно пропускать святого служения, потому что оно совершается только по праздникам. Можно ли не посетить храма Божия в праздники? Это показало бы, что мы не боимся Господа и небрежем о спасении душ своих. Если придет мысль, чтобы в праздник, когда звонят к церкви, остаться, то будь уверен,

что эта мысль от лукавого. Он употребляет для сего разные предлоги: то говорит, что у тебя то и то не сделано, займись этим теперь, а в храм сходишь в другое воскресенье. Не обольщайтесь сею мыслью. Много ли наделаешь в тот час, в который бываем в церкви? И пойдет ли дело с успехом, когда ты будешь делать его, не помолившись прежде в церкви, и не испросив благословения Божия? У тех, кои набожны и прилежны ко храму, все дела бывают лучше; а у презрителей святая церковь самый труд бывает не впрок. Еще говорит иногда враг: «ты не так здоров, останься дома, отдохни». Как будто во храм идут на работу! Там-то и отдых душе и совести! То ли дело, когда поусерднее помолишься: на душе становится легче, а с душою и телу лучше. Теплая молитва ко Господу — наилучшее лекарство от всех болезней.

Посещая храм, надобно уметь стоять в нем как должно; иначе, и быв в церкви, ничего не получишь для души; даже вместо пользы получишь вред. В самом деле, не вред ли получает тот, кто идет в церковь не в своем виде? (А бывают, к сожалению, и такие...) Это значит ругаться имени Божию, и явно идти под тяжкое осуждение. Не вред ли получают те, кои, вместо того чтобы молиться, заводят в церкви разговоры, нередко такие шумные, что мешают другим слушать и молиться? Не вред ли получают те, кои, идя во храм, наряжаются, чтобы на них смотрели, и думают соблазнять других своими прикрасами? Таковых ожидает неминуемый гнев Божий. В храм надобно идти с умом чистым, быть опрятно одетым, но без особых украшений; в храме надобно стоять тихо, устремив взор и мысль к Богу и святым иконам. Если необходимо сказать кому что-либо, то сказать кратко и тихо. Должно воздерживать себя от самых естественных движений, дабы не помешать тому, что читается, или поется, например, не кашлять громко, и тому подобное.

Благоустроив себя таким образом, надобно питать душу свою тем, что совершается во храме.

Здесь, во-первых, совершается разное чтение — Евангелия, Апостола, пророчеств, канонов, стихир, молитв. Когда читается все это, особенно Евангелие и Апостол, то вперяй весь ум в то, что слышишь, ибо ты слышишь слово Божие, а слово Божие дороже, как говорит святой Давид, перлов и золота. Как бы ты подбирал, если бы кто сыпал тебе жемчуг или златники? Так подбирай и слова, выходящие из уст читающего в церкви. Кто знает, какое из них подействует на твою душу? По невниманию можно проронить именно то слово, которое для тебя предназначено. Мы видим из жизни святых людей, что они от одного какого-либо слова Евангельского оставляли греховную жизнь, переменялись совершенно и начинали быть святыми. То же может быть и с тобою, если будешь внимателен. А если не будешь, то что бы ни читалось, все пройдет мимо уха и не оставит никакого следа в сердце и, не принеся пользы, обратится в осуждение. «Слово, — говорит Спаситель, — еже глаголах, то судит ему в последний день» ([Ин. 12:48](#)). Почему судит? Потому что слышали его без внимания и не воспользовались им. Лучше было бы не слышать его и не знать пути Господня, подобно язычникам. «Аще не бых пришел, — говорит Господь, — и глаголах им, греха не быша имели: ныне же вины не имут о гресе своем» ([Ин. 15:22](#)).

Далее, в храме совершаются Таинства, особенно Таинство Тела и Крови Христовой. Это бывает во время литургии, особенно последней части ее. Тут посему потребно особенное и внимание, и благоговение, ибо это время чудес. И когда диакон скажет: «Станем добре, станем со страхом...» соберись со всеми мыслями и чувствами, отложи всякое земное попечение, вообрази, что ты стоишь на Голгофе и пред тобою на кресте Сын Божий, Спаситель твой; или что ты в горнице Сионской, и пред тобою нисходит Дух Святой. Воздень вместе со священником руки к Богу и молись; пади с ним на помост храма, и благодари Бога за неизреченную Его милость. Ибо как не милость, когда на святом престоле приносится в сию минуту за грехи наши Жертва столь великая? Как не чудо, когда обыкновенный хлеб и вино,

действием Святого Духа, обращаются в эту минуту в Тело и Кровь Христову, дабы питать души наши в жизнь вечную?

Когда мы таким образом будем посещать храм Божий, то каждый раз будем возвращаться в дома свои лучшими, нежели как пошли в него: ум у нас будет светлее, сердце спокойнее, совесть живее, упование тверже. Когда мы таким образом будем посещать храм, то все и в домах наших делается лучше, мы перестанем предаваться невоздержанию, слово гнилое не будет выходить из уст наших, самые худые мысли со дня на день реже будут заходить в наш ум. Аминь.

Слово при заложении храма

Мы стоим на месте всенародной печали и сетования: редкий из вас не проливал здесь горьких слез. И вот, на сем месте плача и рыданий Господь дарует нам радость, и не на час или на день, а навсегда!.. Ибо здесь будет храм; а где храм, там радость. Отраднее будет оставлять любезных сердцу на вечный покой под сенью дома Божия; отраднее будет приходить на место их покоища и находить, что оно оглашается богослужением и принесением за них Бескровной Жертвы; отраднее будет для самих мимоходящих видеть, что град наш красуется не одними зрениями для живых, но и местами священной памяти по умершим.

Посему-то, как только посетил я в первый раз место сие, во мне родилось желание устроить здесь храм. Без сего, казалось мне, и могилы здешние не тихи, и почивающие в них не мирны. Теперь сие желание исполняется; и я, полагая в основание храма первый камень, первый радуюсь и благодарю за сие Бога. Когда, при помощи Божией, дело сие придет к концу, тогда мы будем посещать место сие, не смущаясь более мыслью ни за живых, ни за почивших. Иначе как было не смущаться? У живых столько высоких и пространных чертогов, а у почивших отцов и братьев не было даже храма!.. Что же значит в таком случае наша память о них, что любовь к ним, что слезы литые и льющиеся на их могилы? Тем паче нельзя было не смущаться за мертвых. У живых разные источники утешений, а у почивших одна отрада — престол милосердия, на коем приносится за грехи их Бескровная Жертва. И сего-то престола, сего-то источника утешения здесь не было!

Но благословен Тот, кто обладает живыми и мертвыми! Се, и на сем месте плача водворяется радость для живых и мертвых!.. Теперь, жители града Харькова, от вас зависит и ускорить и упрочить сию радость вашими посильными приношениями на помощь святому делу, ныне предначинаемому. Ибо, — да будет известно вам, — оно предначинается без всяких готовых средств, точию о имени Божиим и по надежде на ваше усердие и любовь к zde лежащим отцам и братьям вашим. Слышите ли, что они говорят вам из могил своих? Братия и друзья, говорят они, мы оставили вам все, что имели; не взяли с собою во гроб ничего, кроме Креста Христова; и теперь не хотим ничего от вас, кроме храма. Дайте нам храм! Дайте пристанище душам нашим! Дайте молитву и Жертву Бескровную о грехах наших! Покажите, что мы не забыты вами, что вы любите нас по-прежнему и печетесь о вечной судьбе нашей!

Если бы к сему гласу отцов и братьев ваших нужно было присовокупить что-либо и от нас, то мы скажем вам, братие, что, благодворя месту сему, содействуя устройению здешнего храма, вы заранее окажете благотворение и самим себе... Ибо долго ли оставаться вам в домах и жилищах ваших? Через несколько лет (и как скоро пройдут они!) все вы возляжете на вечный покой, под сенью сего храма, и от него, может быть, по гласу трубы Архангельской, восстанете с плотью на Суд всемирный. Спешите же усвоить себе этот храм или, паче, себя храму сему — посильным участием в сооружении его. Да не продлится благое дело за недостатком средств! Да не рекут: вот храм, которого не могут или не хотят достроить! Да возымеем и мы сугубую радость, положив первый камень, возжечь здесь и первую свечу; и как теперь приносим молитву за храм, так в уготованном храме принести молитву о живых и мертвых!

Крестителю Христов, Иоанне! Твое святое имя наречено на храме сем: прими же и храм и место сие под сень святых молитв твоих! Да обретают души zde лежащих братьев наших в тебе ходатая и заступника пред престолом Того, за Которого усечена честная глава твоя! Аминь.

Слово по освящении церкви древней подземной, недавно открытой и вновь восстановленной в Святогорской общежительной Пустыни

Немного слов потребно для храма сего, если смотреть на его видимое, столь малое пространство, но немало надобно думать и соображать, когда захочешь дойти до его первого начала и предназначения.

Кто и когда положил основание сему храму? Чьи руки ископали эту пещеру и утвердили в ней престол Богу живому?.. Ни живого, ни мертвого ответчика на это не видно; ни современного, ни позднего свидетеля о сем не слышно. Явно только, что руки сии были не праздные, а трудолюбивые, и что они любили углубляться в сердце земли не для отыскания металла гибнущего, а для собрания сокровищ духовных и вечных. Обратим ли испытующий взор на эти камни, кои одни пощажены временем?.. Они самым видом своим говорят, что здесь был некогда храм, коего стены посредством них же впоследствии времени были укрепляемы; но когда происходило это? опять неизвестность. Одно можем сказать, что окончательное устройство сего храма, в настоящем его виде, должно было произойти не в самом начале христианства в Отечестве нашем, ибо свойство плинф, здесь употребленных, не то, какое видим в храмах наших первобытных, но и не в близкие к нашим времена, иначе сохранилась бы память о сем событии.

При таком мраке и недоумении, как дорог был и малый луч света! Как желанно было какое-либо, хотя бы и скудное, но несомненное указание! И вот, по тайному распоряжению Промысла, не попускающего изглажаться совершенно на грешной земле нашей самым следам стоп верных рабов Своих, как бы нарочно во свидетельство о судьбе сего храма, сохранялся в живых до прошедшего лета ветхий, столетний старец, над свежую могилу коего, у входа в сию пещеру, возглашали мы сейчас вечную память. Немного могли приять мы из его слабеющих уст, но прияли то самое, что наиболее было нужно для нас, а именно, что пещера сия должна быть современна самому бытию здешней обители, что в ней был храм во имя преподобных и богоносных отец Антония и Феодосия Киево-Печерских, что храм сей сокрывался уже под землю, в неизвестности, в то время, когда монастырь со скалы сошел долу и, следовательно, пришел в сию неизвестность гораздо прежде, по всей вероятности, во время общего запустения сего края и целого Отечества от нашествия все разрушавших монголов, что в предпоследнее время — лет за восемьдесят пред сим — пещера сия была случайно найдена и открыта между прочими руками сего же старца, бывшего тогда юношею, но, по смутным обстоятельствам тогдашней обители оставленная без внимания, паки вскоре сокрылась под землю в ожидании нынешнего, вместе с нею, пакибытия и обновления.

Как после сего не смотреть нам на сию малую храмину, как на священный останок времен самых древних?.. Как не признать в ней произведения рук, подобных тем, кои подвизались в горах Киевских и обратили их в святилище веры и благочестия? Здесь и там одни и те же образы и виды бытия иноческого; один и тот же должен быть и дух, облакавшийся в сии образы. Мне кажется, я вижу, как святые иноки горы Печерской, наследовав от первых вождей своих святую склонность к распространению по земле Русской жития пустынноиноческого, пореваемые, подобно древнему пророку, духом ([4 Цар. 2:2—6](#)), оставляют свое местопребывание и идут — одни на восток, другие на запад, иные на север, сии на юг, ища места для подвигов, которое укажет Господь.

И вот, некоторые из них приходят в страну нашу, достигают здешнего места:

необыкновенный вид гор, глубокое безмолвие окрестностей останавливают их, приводят им на память святые горы Киевские; и они, призвав на помощь Бога и святых угодников Киево-Печерских, остаются здесь на жительство, то есть что делают? то есть, по примеру оставленных ими собратий Киевских, искапывают для пребывания своего пещеры, одни — может быть особенно склонные к созерцанию — на скале, высящейся над всею окрестностью, другие — более преданные безмолвию и затвору — здесь, в сей юдоли, предобразуя таким образом для будущей обители, имевшей поместиться всередине, как бы два духовных крыла, противоположных по виду, но равно способных возносить достойных горе к Тому, Который благоволил именовать Себя Владыкою «гор... и... юдолей» ([3 Цар. 20:28](#)).

Кто бы не пожелал, чтобы в назидание наше древние летописи сохранили нам деяния и подвиги первых насельников места сего, подобно как сохранена память о подвигах и деяниях древних обитателей пещер Киевских? Но и без особенных летописных сказаний мы удобно можем представить себе образ и род жизни их, ибо он, как мы сказали, должен быть подобен тому, какой видим у святых отшельников Киевских. Одна только особенность не могла не отличать постоянно места сего, потому что выходила из самого положения его на последних пределах тогдашнего Отечества нашего.

Будучи лишены всякой защиты земной, окруженные народами дикими и не ведающими Бога истинного, обитатели святых гор по тому самому непрестанно видели меч над главою своею, и, оканчивая день, из глубины души говорили с Церковью: «День прешед, благодарю Тя, Господи! вечер с ночью мирен и ненаветен подаждь ми!» Если на горах Киевских обильно лились слезы покаяния и любви, то здесь вместе с сими слезами лилась нередко и кровь мученическая. Посему, если где, то здесь, при посещении сих святых гор, довлеет полагать меру самым стопам своим, дабы не попать дерзновенною ногою костей или святой персти какого-либо исповедника веры и мученика.

Престанем же после сего дивиться, что от стольких веков бытия здешней обители не осталось нам никаких сказаний. Летописцами ее не могли быть люди; единые Ангелы вписывали деяния и подвиги в книгу живота. На всемирном Суде, где разгнутся все книги, и вспомнятся все деяния, там услышится история обители Святогорской.

Вам, братие обновленной обители, предоставлено Промыслом Божиим продолжать историю ее и на земле, продолжать не столько повестью словесною и писанием, сколько самым делом и святыми подвигами. Войдем же в дух нашего святого предназначения. Благо нам, если мы, при помощи ревнителей благочестия, восстановим стены и возградим забрала древней обители. Но эта работа, хотя и небезтрудная, составляет токмо одни подмости к зданию, один приступ к труду негибнущему. Существенное предназначение наше, главный подвиг должен состоять в том, чтобы в нас воскрес дух древней обители, чтобы он, облекшись как бы новым телом, явился в первобытной лепоте своей, да все, ближние и дальние, видя дела веры и плоды любви нашей о Христе, прославили за нас Отца, Иже на небесех.

Да напоминает вам о сем выну между прочим и обновленный храм сей! Входя в него под землю, воображайте, что вы умерли для мира и идете уже тем последним путем, по коему всем нам некогда должно пройти. Исходя отсюда паки на свет, воображайте, что вы, подобно Ангелам, исходите до времени в мир, для совершения воли Божией, во благо ближних.

Памятуйте, что богоносные отцы, коим имя наречено на храме сем, не престанут посещать его невидимо и назирать за вашими молитвами и деяниями. Да обретают они и здесь то, чем услаждается дух их в пещерах, ископанных их собственными руками! Тогда неизвестные нам, но ведомые Господу, основатели храма сего «возрадуются о вас на ложах своих» ([Пс. 149:5](#)), в Царстве Отца Небесного; тогда и мы почтем себя счастливыми, что удостоились, хотя мало, послужить обретению и восстановлению сего храма, и низвести в настоящий день на него

благодать освящения. Аминь.

Слово в день открытия Святогорского Успенского монастыря

Итак, плен Святогорский кончился! Да возрадуются Ездра и Неемия, благоускорившие его окончанием!.. Итак, Лазарь, не три дня, а семьдесят лет лежавший во гробе, восстал; остается только разрешить погребальные пелены и дать ему идти ([Ин. 11:44](#)): да предстанут Марфа и Мария, и да окажут ему сию последнюю услугу! Благословен Господь, и попустивший прийти на сие место запустению, и не давший обратиться ему в то ужасное, вечное запустение, коим угрожал некогда пророк Иерусалиму. Должно благодарить и за прошедшее запустение, ибо явно теперь, что это было запустением зимы, среди коего в недрах земли тайно предуготовляются и цветы весенние, и плоды летние. Велико было искушение; но «верен... Бог, Иже не попускает искушиться паче, неже можем понести, ибо со искушением сотворено наконец и избытие» ([1 Кор. 10:13](#)). Теперь и к сей пустыне можно со всею полнотою обратить слова пророка: «да веселится пустыня и да цветет яко крин!» ([Ис. 35:1](#)).

Да веселится! Ибо все, что наводило и могло наводить скорбь, или уже прошло, или пройдет скоро, и не только пройдет, но и само будет причиною к радости. Таково свойство сердца нашего, что нам даже приятно бывает вспоминать о прошедших бедствиях, коль скоро они благополучно кончились; тем паче, если вознаграждены сугубо, как того надеемся и здесь. Может быть, я от радости вижу более, нежели сколько есть; но мне кажется, что вчера, когда мы входили во врата сей обители с Небесною Посетительницею, то и река была живее, и скала возвышеннее, и деревья величественнее, и все как будто сочувствовало нашей радости. Как, впрочем, было и не возрадоваться самой неодушевленной природе, когда она узрела перед собою изображение чудотворного лика Матери Божией, на который без благоговения не могут взирать Херувимы и Серафимы? Когда почувствовала, что к здешнему месту приближаются, заключенные в сем лице, святые останки великих угодников Божиих, перед коими трепещут самые духи злобы? Как было не возрадоваться горам и юдолям здешним, когда они, вместо прежнего запустения, паки становятся местом убежища для душ, взыскующих горнего Отечества, когда среди них водружается обитель благочестия, в коей выну будет совершаться жертва хвалы и благодарения Господу?

Но если и для неодушевленных существ было место в торжестве нашем, то какой радостью должно исполняться ныне ваше сердце, боголюбивые жители окрестных мест, кои доселе с таким сожалением взирали на развалины сей обители, и для коих (не скроем истины) сии развалины постоянно составляли некий не несправедливый упрек и укоризну. Теперь сия укоризна отъемлетя, и вы с веселием будете восходить на скалу, на которую прежде нельзя было вам и воззреть без смущения. Я уже не говорю о своих мыслях и чувствах в настоящий день; их ведает Господь, без всяких заслуг наших даровавший нам возможность послужить, как умели, воссозданию и сего святого места. Почту подобным же молчанием и чувства тех, кои возревновали святою ревностью о печальной участи святых гор и, при первой возможности, поспешили изъять их из собственного удела, дабы обратить паки в жребий Господень. Таковым деяниям похвала и награда не у нас, а у Всевышнего. Довольно сказать, что все мы и все вокруг нас имеют ныне и причину, и побуждение к радости, и никто и ничто — к печали.

Итак, да возвеселится пустыня, бывшая столько лет и сама унылою, и наводившая уныние на всех зрящих! О чем и о ком да возвеселится? О Господе. Всякая другая радость была бы не по пустыне; всякое другое веселие снова может обратить ее в пустыню духовную. Веселие святых пустынь — Господь, утешение их — Дух Святой, украшение их — Крест Христов. Сею радостью да возвеселится пустыня, и да распространяет сию радость окрест себя! Да отучает

примером своим от шумных и мутных радостей мира, кои веселят на время и печалят навсегда, кои, утучняя плоть, томят душу и изъедают сердце! Да возвеселится и да цветет, яко крин! Чем цветет? Верую, упованием, смирением, воздержанием, молитвами, чувством любви и милосердия, благодатными дарами Духа Святаго. Ибо чем же иначе цвести пустыне? Ужели мудростью мирскою, которая нередко возносится на самый разум Божий? Но сия мудрость и у посвятивших себя ей производит не цвет в лице и крепость сил, а часто доводит до гроба, так что «приложивши разум мирской, по замечанию премудрого Соломона, редко не прилагает себе вместе с сим и болезнь» ([Еккл. 1:18](#)). Ужели цвести пустыне стяжаниями, сокровищами, золотом и серебром? Но все это и в миру нисколько не помогает человеку «в день скончания его» — поможет ли в пустыне? Ужели, наконец, цвести пустыне пресыщением плоти и сластями житейскими? Но, «сеяй в плоть свою и в мире от плоти пожинает, наконец, одно истление» ([Гал. 6:8](#)); в пустыне ли от плотоугодия возрасти нетлению и жизни вечной? Нет, обновляемая обитель благочестия, не мудрости человеческой, не благ земных, не чести и славы преходящей желаем тебе в день пакибытия твоего! Мы возлюбили тебя во Христе любовью не земною, посему и желаем тебе лучшего. Оградю твоею да будет страх Божий и послушание начальникам; высотой твоею да будет смирение и созерцание духовное; золотом и украшением твоим да соделается любовь взаимная и дух нестяжания; драгоценные перлы твои да составятся из молитв и слез умиления. Когда сии добродетели утвердят здесь жилище свое, тогда все недостатки твои пройдут сами собою; тогда не только ближние веси, но и отдаленные грады будут приходить к тебе за благословением; тогда самые Ангелы Божий, нисходя в дольний мир наш, будут с удовольствием находить среди тебя успокоение себе.

Сбудутся ли сии благожелания?.. Веруем, что сбудутся. Ибо не напрасно же Матерь Божия со святых гор Киевских пришла к нам сюда в дивном лике Своем в день обновления сей обители? Она узрела здесь место, для Нее удобное. Не напрасно вместе с Нею — в честных мощах своих — поспешили явиться ныне богоносные угодники Киево-Печерские; они предусмотрели здесь преемников своих в подвигах иноческих. Что совершилось вчера, совершилось для того, чтобы и вас, братие, zde вселяющихся, воодушевить святым упованием при самом начале ваших подвигов, и нас утешить благою надеждою о вас и за наше усердие к месту сему. И почему бы и вам и нам о вас не иметь сей благой надежды? Откуда пришли вы? Из того места, которое славится всюду строгостью жития иноческого?. Вы оставили его, подобно Аврааму, оставившему свое отечество, и решились вселиться среди здешних развалин. Пребудьте же уверены, что Господь, поминающий всякую жертву, тем паче «не обидлив.. забыти дела вашего и труда любви, юже покажете во имя Его» — к сему святому месту ([Евр. 6:10](#)). Если кому из вас остается еще принести в жертву своего Исаака — последнюю привязанность к чему-либо земному и временному, то где лучше совершить сие жертвоприношение по чину Авраамову, как не на сих горах? Не напрасно глас народа нарек их святыми. Здесь все располагает к благочестию: текущая у врат обители вашей река будет ежечасно выражать пред вами непостоянство и скоротечность всего мирского, а стоящая над главою вашею скала будет изображать пред вами участь раба Христова, который, вознесшись в духе над всем миром, имея закон Бога посреди чрева своего, — яко гора Сион не подвижится во век.

Самый вечнозеленеющий вид древес, вас окружающих, будет непрестанно приводить вам на память слова святого Давида о праведнике — «и лист его не отпадет, и вся, елика аще творит, успеет» ([Пс. 1:3](#)).

Но с вами, братие о Христе, мы еще будем иметь случай беседовать, поучать вас и сами поучаться с вами и от вас. Надобно поспешить сказать что-либо в назидание тех, кои в таком множестве собрались ныне сюда почтить день сей и разделить радость нашу, и коих, может

быть, мы никогда не увидим более. Не утешительно было бы вам, благолюбивые посетители и гости наши, возвратившись в дома свои с такого празднества, не принести с собою какого-либо дара пустынного? У нас самих нет для вас такого дара, но есть у Того, Кто воздвиг сии горы, Кто повелел струиться у подножия их сей реке, Кто населяет теперь сию пустыню и творит ю духовным прибежищем для градов и весей. Слышали, что изречено Им, в ныне читанном Евангелии, Марфе? Сказано: яко «едино же есть на потребу» ([Лк. 10:42](#)). Что сказано Марфе, то сказано всем нам, ибо все мы, подобно многозаботливой Марфе, печемся и молвим и, к сожалению, не час един, как она, а всю жизнь о мнозе; между тем как для всех нас существенно велико и важно одно — вечное спасение душ наших. Возьмите же, братие мои, сии драгоценные слова Спасителя, вместо напутия и дара от новой обители, в дома ваши. Когда возвратитесь к присным своим, и вас будут спрашивать, что вы видели здесь, скажите, что вы видели, «яко едино... есть на потребу» человека, и что те, кои оставив суету мира, посвятили здесь себя на искание сего единого, избрали благую часть, «яже не отыметя от» них во век. Когда у вас будут любопытствовать, что вы слышали от нас с сего священного места, скажите, что вы слышали, «яко едино... есть на потребу», и что сие единое состоит в том, чтобы спасти душу свою, чтобы сохранить веру и совесть свою, чтобы приготовиться к смерти и Страшному Суду Божию, всех нас ожидающему, чтобы, наконец, слезами покаяния омыть и делами милосердия убелить одежду души своей. А между тем, братия мои, сорадуясь восстановлению из развалин древней обители сей, обратите внимание на храм души вашей и рассмотрите, не лежит ли и он в развалинах, не зарос ли волчцами и тернием, не витают ли в нем злоеущие птицы и звери дивии. Ибо что пользы для нас, если вокруг нас все обновится и восстанет из развалин, а мы, своими нравами, делами и жизнью, будем походить на брошенные всеми развалины? Что пользы для нас, если внешние храмы наши заблещут златом и привлекут на себя взоры всех, а внутренний храм души нашей останется пустым, безмолвным и непроходимым? Посему-то, возвращаясь в дома ваши, обзрите свою жизнь и вникните в свою совесть. Кто найдет внутри себя что-либо похожее на развалины (а многие ли не найдут, если будут искать?..), тот да возревнует о их восстановлении! Высочайший указ о сем давно подписан Небесным Самодержцем; остается только каждому привести его над собою в исполнение! Аминь.

Слово в день открытия Ахтырского Свято-Троицкого монастыря

Есть «время всякой вещи под небесем, есть ...время разрушати и время созидати», — говорит Премудрый ([Еккл. 3:1—3](#)). Как ни плачевно это последнее время разрушати, и как ни противно первобытному порядку вещей, каким вышел он некогда из рук Творца, но в настоящем нашем извращенном грехопадении первого человека и обреченном за сие разрушению мире и это плачевное время не может уже не иметь своей чреды; и когда приходит она, то действует сильно и неотразимо, не только в делах мира, но и в делах Церкви, поколику она сопринадлежит миру. Пример и доказательство сего — здешнее место. Не знаем, как и от чего именно, но пришло на него, за шесть десятилетий пред сим, ужасное время разрушати; и все превратилось: смиренные обитатели места сего рассеялись; здания и ограды разрушены; самая святыня разнесена по разным местам. На нерукотворенной горе остался только один рукотворенный храм, как бы на страже среди запустения и в предвестие будущего воссоздания. Долго страж сей стоял в одиночестве пустынном; долго собирались сюда одни звери сельные и птицы небесные. Набожный путник, мимоходя здесь к святым местам Киевским, с сожалением взирал на святую гору, служившую некогда пристанищем для всех, подобных ему странников; мирный житель окрестных селений еще с большим сожалением всходил по временам сюда, на то место, где предки его обыкли собираться на моление во всякой нужде и обстоянии, общественном и частном. Все сетовали об участи сего святого места; и никто не мог поднять его из развалин.

Но наконец сприсло и для сей святой горы радостное «время — созидати»; и се, паки водворяется здесь обитель Святыя и Живоначальныя Троицы! И как бы в награду за прошедшее злострадание, водворяется в сугубом виде благочестия — и как пристанище любви к Богу, для иночествующих, и как пристанище любви к ближним — для обремененных летами и недугами.

Возблагодарим же, братие, Господа за то, что для нас выпал отраднй жребий находиться здесь не в печальное время разрушения, а в радостное время воссоздания. Падем в умилении духа пред сим чудотворным ликом Матери Божией, и скажем из глубины души: «Ты, Всепетая, простерла зиждательный покров Твой над местом сим; Твоим всемошным предстательством у Сына Твоего и Бога восстает оно теперь из развалин!»

Вместе с сим да прославится имя благочестивейшего Монарха, который, в неусыпном попечении своем о благоустройстве Церкви Православной, при первом услышании о печальной судьбе сего святого места и о желании восстановить его, не умедлил изречь свое державное: «Да будет!» Да возносится благодарне здесь, день и ночь, имя и Святейшего правительствующего Синода, предстательством у трона и благословением коего воссозидается теперь здешняя обитель! Примите от лица ее благодарность и вы, боголюбивые жители окрестных селений, кои своими желаниями подвигли и нас к ходатайству о воссоздании ее, кои вашими посильными приношениями дали нам возможность ручаться не только за способ к ее существованию, но и за благие действия ее на всю страну нашу.

Чего пожелать тебе, святая обитель, в день обновления твоего? Пожелать ли высоких стен, пространнх зданий, златых глав, серебра и перлов многоценных? Может быть и сие не мимо идет тебя; но мы пожелаем тебе большего и лучшего. Не высокими стенами ограждаются обители иноческие, а благодатью, уставом святых отцов, послушанием начальникам, взаимным братолюбием, и все превосходящим смирением. Огражденные таким образом, они сами служат невидимой оградой для целых стран. Не златыми главами и крестами блистают святые обители пред очами Бога и Ангелов, а чистотою и твердостью веры православной, неусыпную молитвою

о благосостоянии всего мира, подвигами любви христианской и самоотвержением. Не серебро и перлы составляют их богатство, а благие нравы и дарования духовные, коими Сам Дух Святой обогащает души простые и смиренные. Сего-то богатства духовного, сего-то украшения нетленного, сей-то ограды несокрушимой молитвенно желаем тебе, новая обитель! Да будешь не именем токмо, но и делом обителью Святыя и Живоначальныя Троицы! Как превознесена ты над всею странюю здешнею самым положением твоим, тако да возвеличишься ты и высотой внутреннею и дарами Духа Святаго! Если кому, то тебе должно непрестанно памятовать слова Евангелия: «не может град укрытись верху горы стоя» ([Мф. 5:14](#)). Совершающееся в тебе все и для всех далеко видимо; да будет же все видимое таково, чтобы зрящие за зримое всегда могли прославлять Отца, Иже на Небесех! Тогда, несмотря на внешнюю скудость твою, ты не будешь чувствовать ни в чем недостатка; не убоишься более за существование твое никаких превратностей времен и обстоятельств; тогда и мы от сердца будем радоваться и благодарить Господа, что удостоились послужить к воссозданию твоему.

А вас, благолюбивые обитатели окрестных мест, просим продолжить и, если можно, усугубить усердие ваше к новой обители. Ибо, как сами видите, она, подобно новорожденному младенцу, нуждается во всем. Посещая сию гору, ищите на ней успокоения не телу, а духу вашему; не ласк и приветливости мирской, а назидания и уроков христианских. Терпеливо перенесите, если служение и чин церковный не явятся здесь пред вами тотчас во всей лепоте, подобающей святым обителям. За молитвами Матери Божией и сие не умедлит произойти; и мы особенно будем пещись о том.

Мати Божия! Твоим предстательством у Господа обитель сия восстает из полувековых развалин; прими же ее навсегда под всемогущий покров Твой! Сама посещай ее, и видимо и невидимо; Сама назирай за ее преспеянием, внешним и внутренним; Сама руководи здесь и руководимых, и руководителей. «На Тебе бо, на Тебе единую, надеемся, и Тобою — более никем — хвалимся: Твои бо есмы раби, да не постыдимся, Владычице!» Аминь.

Слово на другой день по открытии Ахтырского мужского Свято-Троицкого монастыря

«Кто взыдет на гору Господню? Или кто станет на месте святем Его? Неповинен рукама и чист сердцем, иже не ульсти языком своим» ([Пс. 23:3—4](#))

По всевоссозидающему промышлению Царя Небесного и державному соизволению Самодержца земного, место сие, братие мои, со вчерашнего дня паки соделалось местом святым, а гора здешняя — горою Господнею. Вчера от избытка радости мы способны были токмо славить и благодарить Господа за исполнение наших общих молитв и желаний; ныне можно обратиться и к размышлению о происшедшем, и, последуя примеру святого Давида, «кто же взыдет на эту новую гору Господню, и кто станет на этом новом месте святем...? Вопросение сие касается двоякого рода лиц: во-первых, тех, кои, оставив мир, будут восходить на здешнюю гору для всегдашнего пребывания на ней; во-вторых, тех, кои, не оставляя жизни в миру, будут являться на сем святом месте как временные его посетители. По отношению к первым можно спросить, чего требуется от того, кто хочет соделаться сыном святой обители и посвятить себя здесь навсегда жизни иноческой? По отношению ко вторым можно пожелать знать, с каким расположением духа должно посещать здешнее святое место мирянину?.. Ответом на первый вопрос укажутся и означатся обязанности постоянных жителей; а ответом на второй — обязанности посетителей новой обители. О том и другом полезно побеседовать, дабы каждый — и житель и посетитель — знал заранее, чего ожидает от него святая гора, и сообразно с этим вел себя здесь, не извиняясь неведением.

«Кто убо взыдет на гору Господню?» Кого новая обитель ожидает на жительство к себе? Кто вправе желать быть сыном ее? «Неповинен рукама и чист сердцем, иже не ульсти языком своим», — отвечает святой Давид. Кто бы и из нас не пожелал для новой обители таких чистых и святых жителей? Мы первые далеко вышли бы навстречу, и поклонились бы встречаемому до земли, если бы пришел на обитание сюда хотя один из подобных человеков Божиих. Но где взять их?.. Да не оскудевают сии земные ангелы, по крайней мере, в целой стране нашей; ибо они, по слову Самого Спасителя, суть свет мира и соль земли; а впрочем, где бы ни находились таковые, они везде наши; ибо везде молятся о нас ко Господу. В отношении же к новой обители пожелаем молитвенно, дабы она способна была вместить, если Святой Троице угодно будет препослать ей в дар таковой сосуд благодати.

Говоря таким образом, мы нимало не разногласим со святым Давидом, и не мыслим уничтожать силу его требования. Ему нельзя было не искать безгрешия и совершенной чистоты в том, кто восходит на гору Господню; ибо он имел в виду не земную какую-либо гору, как мы, а Небесную, ту, которая явится на земле, когда не будет на ней уже ни гор, ни юдолей, ту гору, которая показана была в дивном видении евангелисту Иоанну. На сию гору, очевидно, никто не может взойти, кроме тех, «иже... убелиша ризы своя в Крови Агнчи», и суть прочие без порока ([Откр. 7:14](#)). Касательно небесной обители на сей будущей горе справедливо сказано: «не имат... внити в ню ничтоже скверно... но токмо написанныя в книгах животных Агнца: вне всяк любяй лжу и творяй мерзость» ([Откр. 21:27](#)). Наша же гора не имеет такой высоты и неприступности; и должна служить токмо лестницею и преддверием к сей горе Сионской. Посему и из обители на горе нашей должен слышаться не сей строгий приговор, а другой глас дражайшего Спасителя нашего, слышанный из уст Его во все время земного пребывания Его между человеками: «Приидите ко Мне еси труждающися и обремененнии, и Аз упокою вы» ([Мф. 11:28](#)). Сообразно сему, здешняя обитель должна быть отверста для всякого, кто, почувствовав нужду удалиться от шума мирского и суеты житейской, решится посвятить дни

свои на служение Господу и на приготовление себя к вечности. Какова бы ни была прошедшая жизнь, в чем бы ни состояли слабости духа и тела, от чего бы ни страдало сердце и совесть; но коль скоро в ком есть твердое намерение, «не ктому человеческим похотем, но воли Божией прочее во плоти жити время» (1 Пет. 4:2), то место сие хотя и свято, примет такового; гора сия, хотя и Господня, допустит его не только стать, но и вселиться на вершине ее.

Таким образом и в отношении к нашей горе мы не отступаемся вовсе от требования Давидова, только обращаем его, как видите, не на прошедшую жизнь восходящих на гору для вселения на ней, а на их жизнь последующую. До жития на горе ты мог быть чем тебе угодно; это твое дело, о коем спросит тебя здесь только разве духовный отец твой; но с тех пор, как ты вселился на сей горе, уже не только святой Давид, но и настоятель твой потребуют от тебя, — и справедливо, — чтобы ты был «неповинен руками... чист сердцем» и без лести в устах (Пс. 23:4).

И во-первых, «неповинен руками»: то есть неукоризнен в житии и поступках, ибо рука у Псалмопевца означает нашу деятельность. И от мирянина требуется поведение неукоризненное, а от монаха — сугубо. Почему? Потому, во-первых, что монах на то пошел, дабы жить благочестиво и заниматься спасением души своей; во-вторых, потому что у него гораздо более средств удаляться порока и жить добродетельно, нежели у мирянина. Вы сами знаете, как среди мира трудно бывает иногда удержаться в пределах истины и справедливости по причине множества искушений и соблазнов житейских; а монах свободен от сих уз и сетей. Если он терпит искушения, то более изнутри, от себя самого, чему подлежит и мирянин; совне же монах пользуется великою удобностью к добродетели. Кого, например, монаху обидеть? Против кого и за что сказать худое слово? Ибо вокруг него одни братия его.

В миру непрестанно разделяет людей и приводит ко греху любостыжание и собственность; между вами здесь нет сего источника лукавств и вражды, ибо здесь — все общее. В миру неправдуют и ссорятся за места, за чести, за отличия; здесь одна честь — быть смиреннее всех, одно отличие — быть послушнее ко всем. Среди мира впадают во грех иногда даже от крайней нужды; например, похищают чужую собственность, чтобы утолить голод или прикрыть наготу; здесь, если нет богатства, то нет и нужд подобных.

При таком ограждении от искушений и соблазнов, при таком безмятежии духа и тела, при таком множестве побуждений и средств к преспеянию в благочестии, как иноку не оставаться неукоризненным в жизни и делах своих, и чем извинить себя, если он явится преступником тех законов правды и долга, за нарушение коих самый мир преследует неумолимо? В таком случае не только начальство, самая гора здешняя вознегодует на живущего на ней; не только собратия, самые камни здешние подвигнутся от мест своих и будут готовы пасть на главу того, кто, забыв страх Божий, позволит себя пятнать — и себя, и обитель делами неподобными.

Но мы веруем, что Святая Троица не попустит украшенной именем Ее обители потерпеть так скоро ущерб в духовной лепоте своей от кого-либо из сынов Своих. Матерь Божия, под покров Коей мы отдали место сие, Сама станет на страже, и не даст духам злобы проникнуть в него. В надежде на сию всемогущую ограду и заступление мы охотно прекращаем наши опасения и обращаемся ко второму требованию Давидову, простирая его, так же как и первое, на жизнь вашу, не прошедшую в миру, а настоящую, со времени поступления в обитель.

«Кто убо, — спросим паки, — взыдет на гору Господню?» Кто достоин вселиться на здешнем святом месте? Тот, — отвечает царь-пророк, — кто со внешнею неукорительностью жития и деяний соединяет внутреннюю чистоту души и сердца: «неповинен руками и чист сердцем»!

Надобно соединять то и другое; иначе не будет у тебя ни того, ни другого. Можно таить до времени язву греха в сердце, и являться снаружи чистым и праведным; но нельзя утаить

надолго, тем паче навсегда. Нечистота мыслей и желаний, рано или поздно, обнаруживается и в словах гнилых, и в делах студных; и тем более, чем долее были сокрываемы. Посему-то желающие не казаться токмо, а быть честными, и в сем мире стараются о том, чтобы соблюдать ум свой от худых мыслей, сердце — от нечистых желаний, воображение и память — от соблазнительных картин и видов. Так, говорю, поступают лучшие из людей и в миру; тем паче нужно поступать так в монастырях. Истинный инок посему непрестанно бдит над своим сердцем; у него нет мыслей пустых и бездельных, тем паче нечистых и богопротивных. Бог и вечность, смерть и Суд Страшный, жизнь и деяния Спасителя и святых угодников Божиих, заповеди и обетования Евангельские, богослужение, Таинства и обряды Святой Церкви, послушание, ему вверенное, вот где витает мысль истинного инока, вот в чем вожделения души его. На самые красоты природы он взирает осторожно, дабы, замедлив на видимом и временном, не потерять из виду Небесного и вечного. Самые чистые связи с миром инок старается вести так, чтобы всегда мог тотчас оставить и прекратить их, когда потребует, без всякого сожаления, ибо помнит, что он отрекся мира и всего еже в мире, и есть для него яко мертвец. Покажется ли трудным такое господство над своими мыслями и чувствами? Но без него не может быть достигнута чистота сердца; а без чистоты сердца непрочно и недостаточна чистота деяний. Как бы ни был красив сосуд совне, но если он испорчен запахом худым, то его никто не употребит с удовольствием. Таков и монах, живущий честно, но питающий в душе своей мысли худые. Небесный Домовладыка не примет такового в дом Свой, и не даст ему воссесть среди сонма избранных рабов Своих.

Памятуйте сие, братие мои, и не преставайте бдеть над чистотою своего сердца, упраздняя его от всех плотских помыслов, наполняя его желаниями святыми, мыслями богоугодными, и представлением благ не земных и тленных, а Небесных и вечных. Сначала это будет трудно для падшей и нечистой природы нашей, но потом, чем далее, тем сделается легче. Господь, видя посильную борьбу нашу с нечистыми помыслами, Сам положит конец ей, изгонит их навсегда из души вашей, и подаст вам ту драгоценную чистоту сердца, ту сладкую тишину духа, кои отличают всех верных рабов Его, и еще на земле стократно вознаграждают их за все труды и подвиги над собою.

Третье требование святого Давида касается наших уст и языка: «иже не ульсти языком своим». Упоминается одна лесть, но, без сомнения, разумеются и все прочие недостатки и нечистоты языка, тем паче такие недостатки, как злоречие, клятва, срамословие и хула. Прилично ли все это даже кому-либо из христиан? И никому не прилично, а в иноке совершенно нетерпимо; если чьи уста и язык, то инока должны быть органом точию славы Божией и духовного назидания для ближних.

Трудно управляться с устами нашими! Апостол не напрасно сказал, что «язык... неудержимое зло» ([Иак. 3:8](#)). Но отчего он делается таким? Оттого, что мы от юности привыкаем раскрывать уста как случится, по первому движению мысли; а это оттого, что мы слова наши считаем за ничто и не дорожим ими. Но поелику слова вещь важная, ибо за каждое слово надобно будет дать ответ, то первее всего надобно утвердить в себе мысль о важности и святости слова человеческого. Памятуя сие, мы сделаемся осмотрительными во всех словах наших, ибо мы же бережем дорогие вещи и никто из нас не бросает их безрассудно, кроме безумных. Познав таким образом цену слова и дорожа им, каждый, по тому самому, перестанет расточать его как попало; тем паче не будет осквернять уст своих словами гнилыми и нечистыми. Надобно потрудиться над сим, ибо вещь стоит того! Мы думаем, что у одних змей яд в устах; нет, у человека, если вознерадит и допустит себя до того, еще более бывает яда в устах. Это не наша мысль, а апостола, который называет злой язык исполненным «яда смертоносна» ([Иак. 3:8](#)). Худые и соблазнительные слова точно как яд; они заражают слух и

сердце слушающего, который может быть во всю жизнь свою и не подумал бы о каком-либо пороке, но ты кинул пред ним ядовитое слово, и в нем на всю жизнь зародится искушение тяжкое, а может быть и грех смертельный. Как же не беречь после сего слова, когда в нем может быть такое зло?

Впрочем, когда мы будем хранить чистоту сердца, то чистота уст и языка придет за нею, можно сказать, сама собою; подобно как и вещественный язык наш бывает чист, когда чист наш желудок. Но доколе не достиглась еще сия внутренняя чистота мыслей и чувств, надобно, для охранения уст, брать меры осторожности и совне; ибо, нехранимые, они могут осквернять, как выражается апостол Иаков, «весь круг нашего бытия» ([Иак. 3:6](#)).

Сократим теперь для памяти все сказанное в немногие слова. Итак, чего требуется от жителя сего святого места? Во-первых, неукоризненного и доброго жития, во-вторых, — чистоты мыслей и сердца, в-третьих, — слова здравого и благого. Все это, можно сказать, еще только азбука и начало жития иноческого, но не пройдя его, нельзя стремиться к дальнейшему совершенству. И чем ниже и ближе первые ступени в лестнице, тем скорее надобно вступить на них и утвердиться ступою твердою и невозвратною.

Не худо сделает тот из вас, кто рассмотренные нами теперь слова святого Давида изобразит на хартии, и будет иметь в своей келье всегда пред своими очами. Мы обыкновенно не слишком памятливы на доброе; посему нужно всячески помогать себе в подобных случаях; а дело, о коем рассуждаем мы, очевидно крайней важности для всякого. Посему для того, чтобы не забывать его, и еще можно указать на одно средство. Положите себе за правило, раз или два в неделю, уединившись, размышлять с собою по несколько минут о том, зачем взошли вы на гору сию? Имеются ли в вас качества, необходимые для инока? Чего в сем отношении недостает вам, и как восполнить недостающее? Равным образом, когда будете собираться почему-либо вместе, то между прочими разговорами не забывайте иногда побеседовать и о сем. Поводом к тому может быть, пожалуй, воспоминание об открытии монастыря и нынешняя беседа наша с вами. Другой повод к тому самая Псалтирь святого Давида. Почти каждую седмицу вы будете слышать в церкви псалом, из коего мы заимствовали предмет для настоящего собеседования. Итак, когда услышите чтеца, произносящего: «кто взыдет на гору Господню?», вспомните нашу беседу и свою гору, обратите взор на самих себя, и посмотрите умными очами — есть ли в вас то, чего требует святой Давид.

Теперь, благочестивые посетители горы сей, ваша чередa узнать и выслушать, чего святая обитель вправе требовать от посещающих ее, и что вам должно наблюдать, чтобы посещение сей святой горы, вместо душевной пользы для вас, не обратилось во вред и вам, и обитателям ее.

Не велико было бы, если бы и от вас всех, посещающих обитель сию, потребовали той же безукоризненности жития, той же чистоты сердца и уст, каких требовали сейчас от иноков. Ибо кто же вы? Хотя не иноки, но и не иудеи, не магометане, не язычники, а христиане, и притом православные; от христианина ли не требовать подобной чистоты и совершенства? Что же бы значило само христианство, если бы оно не в состоянии было доставить нам сих добродетелей? Ибо есть люди и между христианами, кои старались и стараются достигать их. Но поелику печальный опыт и во многих христианах представляет противное сему, то и мы умалим наши требования в отношении к вам до последней возможности; умалим и потому, что если бы даже и восхотели наблюдать строгий разбор между восходящими на сию гору, то не можем, ибо новая обитель сия, как видите, не имеет еще ни врат, ни огады. Это знак, что святая гора сия должна принимать всех; и пусть восходят на нее все. Пусть восходит на сию гору прилепивший сердце свое к богатству погибельному и стяжаниям неправедным, да видит, что есть сокровища духовные, коих ни тля не тлит, ни татие не подкапывают и не крадут, и да научится богатеть добрыми делами. Пусть восходит на сию гору сластолюбец и плотоугодник, ему же, как говорит

апостол, «бог чрево» (Флп. 3:19), да устыдится своего жалкого рабства плоти, и познает, что для человека существуют не одни наслаждения чувств, а и духа, и что самые чистые радости сердца добываются не из земли, а приходят свыше. Пусть восходит на гору сию и неверующий, да видит, что на земле есть еще вера, и что она столь сильна, что возносит человека над всем, заставляет оставить мир и обречь себя на всегдашние подвиги и лишения.

Но, открывая для всех вход в новую обитель, и мы потребуем некоторых вещей от всех же. Каких?.. Самых малых и ни для кого не трудных. Потребуем, во-первых, чтобы никто не вносил с собою сюда соблазнов мирских. Хочешь или не хочешь занять отсюда духа благочестия и страха Божия, это твое дело; по крайней мере, не вноси сюда духа злочестия и хулы; не возмущай покоя мирной братии о Христе; стой, обращай здесь, и отходи отсюда как подобает человеку незлонравному. Посему застанешь ли богослужение и войдешь в церковь, — не заводи шума и разговоров: можно наговориться о всем дома, или вне церкви. Посещаешь ли чью-либо келью, — опять не заводи бесед не по слуху иноческому; не позволяй себе тех шуток и кощунства, кои обыкли сопровождать некоторых даже в места священные. Не напрасно касаемся мы сего предмета, ибо от всего этого нередко страдают обители иноческие; а нам крайне жаль нового святого места. Когда обитель укрепится и возрастет, тогда способнее будет переносить мирские соблазны; а теперь она подобна новорожденному младенцу, для коего тяжело и опасно и малое противное дыхание ветра и холода.

Надеемся, братие мои, что все вы, по любви к новой обители, вполне разделяете с нами сии мысли и чувства наши. Вознесем же, в заключение слова, совокупно молитву ко Господу, да Он, Всеблагий, паки изведши ее из небытия, оградит ее благодатию Своею от всех видимых и невидимых наветов и искушений, да подаст обитателям сей горы желание и силы соответствовать званию и святым обетам их, а посещающих оную да осеняет выну духом благоговения к святому месту и молитве о грехах своих. Аминь.

Слово по освящении теплого храма во временном помещении новооткрываемого монастыря Никольского

«Дивен Бог во святых Своих» ([Пс. 67:36](#)), — говорит один из тех, в коих был и есть дивен Господь. А нам, взирая на храм сей, который вдруг как бы вышел из земли, или сошел с облаков, во смирении и с благоговением подобает реши: «дивен Бог не точию во святых Своих», но и в нас, грешных! Кто бы мог подумать за несколько лет пред сим, что здесь, на этом пустынном месте, будет храм, и что к сему храму стечется на всегдашнюю молитву и обитание толикое число душ, взыскующих Горняго Отечества?.. Но что не приходило никому и на мысль, то исполняется теперь на самом деле, да уведем собственным опытом, что «невозможная у человек возможна суть у Бога» ([Лк. 18:27](#)), и что у Него, Всемогущего, «не изнеможет... всяк глагол» ([Лк. 1:37](#)). «Всяк глагол», — говорим мы, ибо все видимое теперь и вокруг сего храма не заключение и конец, а только начало и залог того, что имеет произойти на месте сем. Редкая и святая судьба ему предназначена! Ибо здесь имеет быть обитель благочестия, постоянное пристанище для душ, кои, оставив мир и все еже в мире, взыскали единого на потребу и обрекли себя на всегдашнее служение Господу.

Но кто изменил так дивно судьбу места сего и произвел это, столь редкое в наши времена событие, и почти чудо? Все это соделала вера и любовь к Богу и ближним. Они, как два Ангела Небесных, явились на месте сем; овладели сердцем владетелей его; открыли им очи на суету всего земного; возродили в душах их тоску по Небесному Отечеству, и внушили ознаменовать земное поприще свое не суетными замыслами и предприятиями гордости житейской, а учреждением обители благочестия.

Примите же, боголюбивые создатели храма сего, примите ныне первую награду за веру и любовь вашу. Радость дня сего первее всего принадлежит вам. Без вас и ваших жертв здесь не было бы не только обители, но и сего храма; и в продолжение целых веков по-прежнему веял бы один ветер пустынный. Зато с сих пор из сего храма, вслед за молитвами о венценосцах и пастыреначальниках Церкви, будет ежедневно возноситься моление и о вас, яко его создателях. Воодушевленные сею молитвою, теките бодрственно на святое дело, вам предлежащее, не теряя духа и тогда, если бы среди трудов ваших встретили вас какая-либо скорбь и искушение. Господь Сам, когда созидал мир сей для нас, почил не в первый, или во второй, а в седьмый день. Не будем и мы ускорять преждевременного нашего успокоения и предоставим его Тому, Кто, предназначив «субботство людям Божиим» ([Евр. 4:9](#)), един знает, когда и как нас ввести в оное.

А вы, здесь вселяющиеся, познайте из сего храма великость Божия снисхождения к вам, и не преставайте благодарить за сие Господа. Ибо подумайте, — не здесь собственно место вашей обители; ее еще и нет; завтра мы будем токмо освящать место под нее. Но поелику вы не усомнились явиться здесь, пришли еще к несущему и вселились zde в уповании на будущее, то и Он, Всеблагий, видя веру, любовь и терпение ваше, не стал медлить и ждать; пришел к вам сюда на обитание и, можно сказать, на странствование с вами. Посему вы можете и должны взирать на храм сей, как Израильтяне взирали некогда на скинию свидения, ходившую с ними по пустыне Синайской. Это знамение видимого присутствия Божия между вами и видимого покровы Небесного над вами, такого покровы, могущественнее коего нет не только на земле, но и на небе. Ибо здесь, в сем храме, будет постоянно с вами не Ангел токмо водитель, как было с Израильтянами в пустыне, а Сам Господь Ангелов и Архангелов, Единородный Сын Божий, выну приносимый и приносящий Самого Себя на сей Святой Трапезе в жертву за грехи человеческие.

Итак, «не бойся», скажем и мы словами дражайшего Спасителя нашего, «не бойся, малое, новособранное, духовное стадо; благоизволи, Отец... Небесный, и тебе дати... Царство» ([Лк. 12:32](#)), то Царство, пред коим все царствия и все блага мира суть яко тень и мечта, которое стяжавается не мудростью человеческою и силою, а слезами, терпением и всегдашнею «печалью... по Бозе» ([2 Кор. 7:10](#)); то Царство, о коем написано: «праведницы же возсияют яко солнце в Царствии Отца их» ([Мф. 13:43](#)). Обетования и дары Божий, не как обеты человеческие, суть «нераскаянна» ([Рим. 11:29](#)). Он возлюбил место сие, ибо избрал его и призвал вас к нему; «а ихже призва, вещает апостол, сих и оправда: а ихже оправда, сих и прослави» ([Рим. 8:30](#)). Итак, будьте благодушны. Господь, призвавший нас с вами, и никтоже на вы! Пресвятая Матерь Его, имени Коей посвящен храм сей, с вами, и никтоже на вы! Угодник Христов и Чудотворец Николай с вами, и никтоже на вы!

Точию потщитесь, молим вас, новое «звание и избрание ваше, — как увещавает апостол Петр, — известно... творити» ([2 Пет. 1:10](#)). Чем известно? Во-первых, единодушием и взаимною любовью во Христе, которая для вас тем нужнее, что вы стеклись сюда из разных мест; во-вторых, послушанием своему начальству, которое, по новости своей и вашей, может затрудняться даже тем, как повелевать вами; в-третьих, благонаравием и духом истинного благочестия, которое состоит не в словеси, а в жизни и силе.

Памятуйте, что мир, коего удалились вы, не умедлит обратить на вас и в здешней пустыне своих взоров, не только испытующих, но и злозавидящих. Итак, блюдите себя, а в лице своем и новую обитель вашу от всякого нареkania не точию пред Богом, но и пред человеками, да уразумеют все, и ближние и дальние, что мы не всуе вышли сюда из градов и весей, а яко воистину есть Господь на месте сем. Аминь.

Слово при открытии женского Верхо-Харьковского Никольского монастыря, и при заложении зданий для него

Слава святей, единосущней и нераздельней Троице! Слава и благодарение Пресвятей Троице, ибо от Троицы мы начали и Троицы достигли. Се, третья новая обитель благочестия! Обитель уже не мужей, а жен, да и для сих, по апостолу, немощных сосудов, не будет недостатка в пристанище от бурь и треволнений моря житейского. Мы не знали, как возблагодарить Господа за первый дар, за обитель Свято-Троицкую Ахтырскую; а Он, великодаровитый, преподал нам второй, не меньший, — обитель Святогорскую Успенскую; еще не прошла радость о сем даре, и се, ниспосылается третий — обитель Никольская! Слава убо и благодарение святей, единосущней и нераздельней Троице! Это Ее действие, Ее дар! И чтобы мы не усомнились в сем, смотрите, как ниспосылается нам сей последний дар! Орудием устройства новой обители является не одно какое-либо лицо и не многие, как было прежде, а как бы в соответствие горнему триединству, предстают три действителя, разделенные телесы, но совокупленные духом, о коих не по плоти токмо и крови, но и по вере и любви ко Христу можно сказать, что они едино суть.

Ибо если бы не были едино, то устремились ли бы с таким единомыслием к единому святому предмету и единой святой цели? Если бы были и едино, но по плоти токмо и крови, а не по духу, то взыскали ль бы с таким единомыслием единого на потребу, обходя все прочее? О, плоть и кровь не являют сего! Подобные предприятия и намерения приходят свыше, от Того, Кто в сердцах, открытых для Его действия, Сам есть «и еже хотети и еже деяти о благоволении» (Флп. 2:13). Мир? Он для самого братского единомыслия указал бы на множество других предприятий, обольстительных для похоти очес и гордости житейской. Но наша христоролюбивая троица умела, благодатию Божию, вознестись не только над обаяниями суеты земной, но и над расчетами обыкновенной деятельности человеческой. Посему-то, конечно, и избрана она Троицею Небесною в благопотребное орудие для святого дела, ныне предначинаемого. Да обретает же она в сей мысли о горнем избрании своем и награду за прошедшие труды, и ободрение в предстоящих подвигах, и несомненный залог успеха, и щит против искушений, неразлучных со всяким истинно благим делом. Устраиваемая здесь обитель благочестия будет наилучшим знаком признательности и самым священным памятником для почивших в Бозе родителей ваших. Дух их невидимо носится теперь здесь и радуется радостью самую чистую и полную, видя, как собранное благоразумием и трудами их не расточается по суетным требованиям света и прихотям самолюбия, а независтно иждивается во славу Божию и духовную пользу ближних.

Но что новая обитель? Что речем о судьбе ее? Какую цель бытия укажем для нее? Какого дара и совершенства пожелаем ей?.. Следуя с благоговением божественному счислению и порядку Лиц Пресвятыя Троицы (ибо как мы веруем, что все прияли от Троицы, то желали бы и все принятое возвести к Троице), придерживаясь самого порядка (по времени) учреждения наших обителей (ибо мы, дольные, не успеем вознестись мыслью к троичному премирному сиянию, как падаем долу, в круг временного), новой обители предстоит высокая честь и святое преимущество быть обителью Святаго Духа. Не усомнимся же, воодушеваясь верою и упованием, не усомнимся в сей торжественный час сделать единожды и навсегда распределение трех новых обителей наших, и скажем: обитель Ахтырская, яко первая по учреждению, да утверждается незыблемо вседержавным именем Бога Отца! Обитель Святогорская, яко вторая по времени, да красуется и светлеет сладчайшим именем Бога Сына! Обитель Никольская, яко заключающая число трех, да будет в особенный удел Бога Духа Святаго! Не разделяем неразделимое и

единосущное, точно, по немощи нашей, ищем особого божественного покровя для каждого нового места. Со всеми же, и сей новоучрежденной, и прежними двумя обителями, да будет выну благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любви Бога и Отца, и причастие Святаго Духа, и да будут они все и всегда едино по вере, любви и упованию жизни вечной! се наше желание! и се наша молитва! Приими, Пресвятая Троица, сей трехчастный дар, от Тебя ниспосылаемый и Тебе от нас паки приносимый, приими, укрепи и соблюди его благодатию Твоею, да служит он во славу пресвятаго имени Твоего и к духовному освящению страны нашей, да улучив сии три новые «гради... во убежище» ([Чис. 35:15](#)), возможет всяк находить в них, во время благопотребно, спасение от того непримиримого врага и супостата, который, «яко лев рыкая, ходит, иский кого поглотити» ([1 Пет. 5:8](#)).

Усвояясь в удел Духу Святому, новая обитель, без сомнения, пожелает, не отлагая времени, узнать, какие дары Духа и какие плоды Его, дабы, узнав какие дары, соделывать себя способною к принятию их, а узнав какие плоды Святаго Духа, начать украшаться ими. Да примется же с любовью, что, по краткости времени, возможно сказать нам теперь о предмете столь важном, сказать не окончательно, а начинательно; ибо мы почтем за долг, посвятив обитель сию Духу, как можно чаще беседовать с ней о Святом Духе.

Какие дары Святаго Духа? На вопрос сей дает нам ответ евангелист Ветхого Завета пророк Исая. Предызображая полноту даров духовных в лице Спасителя нашего, он говорит, что «почиет на Нем... Дух премудрости и разума, Дух совета и крепости, Дух ведения и благочестия... Дух страха Божия» ([Ис. 11:2—3](#)). Но Спаситель наш для того и «приял Духа... не в меру» ([Ин. 3:34](#)), дабы от полноты Его мы все потом прияли «благодать воз благодать» ([Ин. 1:16](#)). Посему мы находим дары сии во всех истинных последователях Христовых; все они были живыми органами Духа Святаго, хотя не в такой мере, как Сам Спаситель (ибо Главе подобает быть превыше тела, для его же совершенства); однако же в таком обилии, что пред их даром премудрости и ведения все знания и мудрость человеческие были нередко яко буйство, а пред их духовною крепостью все могущество земное оказывалось яко немощь.

Не замедлят, возлюбленные сестры о Господе, не замедлят и на вас почить сии дары Святаго Духа, если вы будете соделывать себя способными к приятию их. Ибо Дух Святой любосообщителен и Сам прилежно взыскует достойных Его. Но паче всего мы желаем для вас двух последних даров, то есть духа благочестия и духа страха Божия. Нет причины скорбеть, если не будет между вами прозорливых, с даром ведения тайн; и без сего можно видеть все потребное к животу и спасению, так как все это открыто в слове Божиим. Нет нужды сокрушаться, если не окажется между вами дара той силы и крепости, кои могут рещи горе: «двигнися и верзися в море ...и будет» ([Мк. 11:23—24](#)); и без сего можно быть крепким на сражение со страстями, на отражение соблазнов века, на победу над искушениями плоти и крови. Но горе, горе, если оскудеет в вас дух благочестия и страха Божия! Без сего монастырь не монастырь, монахиня не монахиня! Без сего лучше жить в миру, не носить черного одеяния, и не произносить напрасно обетов монашеских, да не хулится ради нас имя святой обители, самое пресвятое имя Божие!

После сего крайне важно для всех вас узнать, как приобретаются и сохраняются дары Святаго Духа.

Главные средства и к получению, и к сохранению сих даров суть: молитва и Таинства Святой Церкви... Молитва... Сам Господь, стяжавший для нас благодать Святаго Духа Кровию Своею, говорит: «аще... вы зли суще, умеете даяния блага даяти чадом вашим, кольми паче Отец, Иже с Небесе, даст Духа Святаго просящим у Него» ([Лк. 11:13](#)). Посему, желая приять благодать Духа, надобно прилежно молиться и очищать себя в то же время от всякой скверны плоти и духа, яко несовместных с чистотою и святостью Духа Божия. Зная потребность такой

молитвы, Святая Церковь, по тому самому, и заставляет нас так часто произносить: «Царю Небесный, Утешителю, Душе истины... прииди и вселися в ны, и очисти ны от всякия скверны!»

После молитвы самое надежное для всех и видимое средство к получению благодатных даров Святаго Духа суть Таинства Церкви, ибо каждое из семи Таинств, ею содержимых, есть ни что иное, как видимое орудие невидимой благодати Святаго Духа. Потому и семь Таинств, что семь даров Святаго Духа. Мы не можем уже снова принимать некоторых Таинств, как то: Крещения и Миропожания, ибо они преподаются единожды и навсегда; не можем также участвовать в тех Таинствах, кои предназначены только для известных состояний, например, в Таинстве Священства; зато в нашей власти употребление над собою Таинств Покаяния и Причащения. Но и сих двух Таинств довольно для самого преискренного соединения нас с Духом Святым, если мы будем приступать к ним как должно, по руководству Святой Церкви. Очищаясь Таинством Покаяния и Исповеди от всех скверн греховных, мы соделываемся способными к обитанию в нас Святаго Духа; а Таинство Божественной Евхаристии преподает Его нам вместе с Телом и Кровию Спасителя. Итак, будем как можно чаще приступать к сим двум Таинствам, ибо мы имеем всю удобность к тому. Миряне по необходимости развлекаются заботами о делах житейских, а нам что делать, как только молиться, каяться во грехах, и питать душу свою Телом и Кровию Спасителя нашего? Посему живущий в монастыре и не имеющий в себе Духа Божия подобен человеку, стоящему в воде и, между тем, томимому жаждою. Это вина его самого, вина тяжкая и непростительная.

Но как, спросите, можно узнать в себе присутствие благодати Духа Святаго? А я спрошу вас: как узнается в человеке присутствие духа мирского? По его словам, движениям и поступкам. Так же узнавайте присутствие в себе и Духа Божия. Ему же Он «по достоянию дхнет, — воспевают Святая Церковь, — того скоро возьмет от земли». Отвращение от земного и временного, и устремление мыслей и чувств к Небесному и вечному, есть первый признак присутствия в человеке Духа Святаго. Ибо как огонь всегда стремится вверх и все хочет унести туда с собою, так и благодать Духа. Посему человек, обладаемый Духом Божиим, иначе действует, иначе говорит, иначе смотрит, нежели как человек без Духа Божия. Каждому внимательному видно бывает, что такой человек живет не на одной земле, что в нем есть что-то высшее, святое и благое, что от него веет помазанием и благодатью. Для точнейшего же руководства в сем важном для спасения нашего деле постараемся изучить на память следующее место из Послания апостола Павла к Галатам: «Плод... духовный, — говорится там, — есть любви, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера, кротость, воздержание... А иже Христовы суть, — продолжает потом как бы в пояснение апостол, — плоть распяща со страстьми и похотьми» ([Гал. 5:22—24](#)). Видите, сколько признаков и следов Духа! Итак, если не будете находить их в себе, то знайте, что в нас нет Духа Святаго, а это все равно, как если бы в вас не было ничего доброго, ибо все истинно благое может быть в нас только от Духа Святаго. Приметьте еще, что следует у апостола за исчислением плодов духовных: воздержание и распятие плоти. Без сих двух колец не может держаться вся цепь. Ибо плоть и кровь постоянно воюют в нас и против нашего духа, тем паче против Духа Божия. Чем же иным возможем укротить их и обезоружить, как не воздержанием? Итак, если хотите, чтобы в вас были дары Духа, а равно и плоды Его, то возлюбите пост святой и непощадение плоти. Мы утвердим крест для основания вашей обители в земле, а вы, для основания в себе обители Духа Святаго, утвердите его в вашем сердце, то есть примите твердую решимость умерщвлять в себе все плотское, начиная с пищи и одежды, — до самых малых склонностей и пожеланий душевных. Прочее же Сам Дух Святой, по обетованию Спасителя, «наставит вы на всяку истину» ([Ин. 16:13](#)) и научит, яже подобает творить и яже отменить, точию приклоняйте со смирением к вещаниям Его ушеса сердца вашего, и не оставляйте исполнять на деле внушаемого Им, хотя бы

оно и казалось противным вашему самолюбию.

Остается поручить новую обитель кому-либо в особый надзор духовный. Кому поручим? Между вами нет еще такой, которая бы тотчас могла быть приветствована именем общей для всех матери и наставницы. Вознесем убо теплые молитвы к Тому, «из Негоже, по апостолу, всяко отечество и начальство на небесех и на земли именуется» ([Еф. 3:15](#)), да скорее явит лицо, способное понести иго здешнего новоначальства. А в ожидании сего к тебе, Святителю Христов Николае, обращаемся все мы с молением: поелику твое имя наречено на обители сей, то Ты же, отныне и навсегда, приими ее под свой покров и надзор духовный! Сам буди ее вождем и наставником, строителем и питателем, защитником и хранителем, да уразумеют не только обитатели ее, но и вся страна наша, что не все даются имена как людям, так и святым обителям, и что «неисчерпаемое чудес море», как именует тебя Святая Церковь, не истоцилось и для нас! Аминь.

Слово по освящении в селе Богородичном молитвенного дома

Ко многим духовным утешениям, коими в продолжение настоящих дней дано нам насладиться среди сих святых гор, нисполана от Господа и еще одна радость — совершить освящение сего дома молитвы! Радость немаловажная и во всякое другое время, а теперь тем паче, ибо без нее все прочие прежние радости наши были бы неполны, даже отзывались бы некоей скорбью, потому что радость тогда хороша и приятна, когда радуются все и каждый; а когда одни радуются, а другие в то же время, тем паче если по той же самой причине, сетуют, то такая радость не светла и не легка для сердца доброго. Но это самое было бы и с нами, когда бы не явился на сем месте, теперь же, сей дом молитвы. Ибо в таком случае мы бы радовались, что храм Святогорский преобразился из сельского в соборный храм монастырский; а жители сей веси, коим принадлежал оный храм, скорбели бы, что лишились его, и свою справедливую горестью возмущали бы наше духовное веселие. Тем большая благодарность христоробивым воссоздателям обители, кои, провидя сие заранее, поспешили отъять всякий предлог к печали для кого бы то ни было, и сооружением сего дома молитвы успокоили всех и каждого. Теперь жители здешней веси не только не имеют никакой причины скорбеть, а, напротив, должны чувствовать радость сугубую, ибо вместо прежнего храма (в отдалении, за несколько верст), у них явился теперь дом молитвы среди их собственных жилищ. А это самое, как мы сказали, довершает полноту и всех наших радостей, ибо это истинное веселье и торжество, когда радуются все и никто не имеет причины к печали, как это последовало теперь с нами.

Но довольно о самих себе. Время обратить речь к вам, жители богоспасаемой веси сей! Великий дар ниспослан вам ныне от Господа, благоволившего утвердить среди вас место селения славы Своей. Много радости было бы для вас, когда бы даже токмо собственный — добрый — владелец ваш избрал весь вашу в постоянное жилище себе, но дом Божий важнее всех чертогов человеческих, ибо где он, там и престол благодати, там и источники жизни вечной. Надобно, посему, быть вам признательными к милости Божией и, прияв свыше дар, уметь употреблять его во спасение душ своих. Иначе, чем дар более и важнее, тем в большее может обратиться осуждение для нас.

Чем же, спросите, благодарить вам Господа?

Во-первых, более частым, в сравнении с прежним, хождением во храм Божий на молитву. Прежде, правильно или неправильно, но можно было извиняться отдаленностью храма и неудобством пути к нему, ибо надобно было ходить или через реку, или по горам и дебрям, что в обоих случаях, особенно в некоторые времена года, было не без труда и не без опасности. А теперь чем извиниться? Почти каждому из вас удобнее теперь прийти во храм, нежели сходить к иному соседу. После сего остаться в какой-либо праздник дома и не пойти в церковь, значило бы уже оказать явное неуважение к дому Божию. Но, «Бог, как уверяет апостол, поругаем не бывает» ([Гал. 6:7](#)). Горе тому, кто презирает дом Божий! У того недолго будет стоять и собственный дом. А дом души у такового явно уже ветх и клонится к падению.

Когда человек собирается идти в церковь, то у него всходят нередко на ум разные мысли противные: «Ты, — говорит мысль, — не так здоров, куда тебе идти, останься дома», или: «У тебя не сделано то и то: займись и сделай». Не верьте, братие, подобным мыслям: они от лукавого, который не терпит, чтобы мы ходили во храм Божий, поелику это горько для него. Хотя бы ты и в самом деле недомогал телом, все не оставайся дома, а иди в церковь, ибо когда помолишься прилежно, то и недуг пройдет, и душе и телу будет легче, ибо здравие от Господа. Он силен исцелить всяк недуг и всяку язву. Не много успеешь наделать, если не пойдешь в церковь и под предлогом какого-либо дела дома. Ибо успех зависит более всего от

благословения Божия. Когда Бог благословит, то все пойдет хорошо, а когда Он отнимет Свое благословение, то что ни делай, как ни трудись, — ни в чем не успеешь как должно. Но даст ли Господь благословение тому человеку, кто презирает храм Его и остается дома тогда, когда все прочие молятся? Итак, православные, будьте прилежны ко храму Божию; спешите в него так, как стада ваши спешат на утреннюю пажить майскую, или на источники вод; ибо здесь, во храме, нетленная пища и питье бессмертное для души нашей.

Придя во храм (это вторая благодарность ваша Господу), стойте как можно благочиннее и богобоязненнее. Ибо как обыкновенно стоите вы перед вашим, даже небольшим, начальником? Всегда стараетесь стоять как можно почтительнее.

Так и должно быть, ибо всякое начальство от Господа. Но тем паче не должно забывать благочиния во храме, ибо здесь мы стоим уже не перед земными начальниками, кои, как бы ни были высоки, все однако же суть люди, нам подобные, а пред Господом и Творцом нашим, пред Коим стоят со страхом на небе самые Ангелы.

Как между тем многие стоят во храме? Так, как бы стояли и находились на каком-либо торжище: богатые лезут наперед; малолетние шумят и оглядываются; молодые поступают еще хуже. Кто не осудит такого беспорядка? И как он должен быть противен Господу и Спасителю нашему! Берегитесь, возлюбленные, бесчиния и везде, тем паче во храме; и если бы кто по неразумию начал вести себя бесчинно, шуметь и оглядываться, то вы, старшие, унимайте такового. Бывает иногда, что всем трудно стоять — по тесноте: переносите благодушно эту трудность и тесноту. Разве мы не переносим иногда еще труднейшего в других местах? Тем паче можно и должно показать терпение во храме. Если где, то здесь Господь увидит нашу любовь к Нему и усердие, и воздаст нам за все сторицею.

Наконец, свидетельствуйте, братие мои, благодарность Господу за новый храм у вас исправлением ваших нравов и удалением от пороков. И прежде всего худо, когда кто-либо в день праздничный, ходя по улицам, заводил бесчинные клики и игрища; но тогда все еще не было у вас храма. Теперь же как запеть кому-либо срамную и буйную песню? Как завести кому-либо безобразное игрище? Все это будет уже пред лицом храма, и следовательно, как бы пред лицом Самого Бога; а «Бог, как мы прежде сказали, поругаем не бывает» ([Гал. 6:7](#)). Страшно впасть в руки Его — Всемогущего! А как не впасть, если мы, несмотря на то, что пред очами нашими храм Божий, будем по-прежнему сквернословить, лгать, божиться неправильно, ссориться и предаваться делам неподобным? Посему и в благодарность Богу, и из жалости к спасению собственных душ ваших старайтесь воздерживаться с сих пор от всех дел злых. Старые и пожилые — да внушают молодым и неопытным, как надобно вести себя и чего убегать из уважения к храму. Отец, например, пусть скажет сыну: «Смотри, брось свое беспутство и ходи тихо, чтобы не осрамить собою храма Божия!» Мать пусть скажет дочери: «Смотри, будь стыдлива и скромна среди игр, ибо теперь на всех нас, и юных и старых, смотрит Сам Господь из Своего храма!»

Когда вы обратите таким образом внимание на свое поведение и постараетесь отстать от худых обычаев, то вместе с новым храмом придут к вам и новые благословения от Господа: к полям и нивам вашим не посмеет приблизиться ни засуха, ни град; к домам вашим не посмеет подойти ни огонь, ни вода; в семьях и в стадах ваших не будет болезней смертоносных.

А если останетесь невнимательны ко храму, по-прежнему будете редко ходить в него, по-прежнему будете стоять в нем рассеянно и бесчинно, если притом в селении вашем по-прежнему будут бесчинные клики, сквернословие и игрища бесовские, то знайте, православные, что Господь в праведном гневе Своем отнимет у вас, у домов и полей ваших, и последнее благословение Свое; и вы послужите примером того, как наказываются презрители святыни, от чего да сохранит всех вас Господь молитвами святого и благоверного князя Александра

Невского, коему посвящен храм сей! Аминь.

Речь при заложении храма в Севастополе во имя святого равноапостольного князя Владимира

Видно, так угодно было Господу, чтобы я, нисколько не предвидя настоящего события и не думая о нем, вдруг обрелся теперь между вами, как бы для того именно, чтобы послужить молитвенно основанию сего храма. Могу ли после сего остаться безмолвным и не разделить с вами тех чувств, кои сами собою возбуждаются во мне, при настоящем священнодействии?

Основание храма сего и во всякое другое время было бы событием не севастопольским токмо, а и всероссийским; ибо кем создается этот храм? Не здешним токмо градом, и даже не одною нашею Россиею. По какому побуждению создается он? В память крещения и просвещения верою Христовою, близ града сего, великого князя Владимира; то есть почти то же, что в память обращения в христианство земли Русской; ибо в лице князя своего крестилась тогда здесь и просветилась верою, можно сказать, вся Россия. Посему-то на всех обширных краях Отечества, где только ни услышат о настоящем священнодействии нашем, возрадуются искренно и скажут от души: «Слава Богу и благочестивейшему Монарху! Давний священный долг всея России пред памятью великого Владимира скоро будет уплачен!»

Но в настоящих обстоятельствах возлюбленного Отечества нашего заложение сего храма получает еще большее и обширнейшее значение. Кто не знает, что у врагов наших одно из самых задушевных желаний теперь состоит в том, чтобы каким бы то ни было образом отторгнуть здешнюю страну от состава России?.. Это было бы, по собственному признанию их, верхом их успеха против нас. А мы, в это самое время, как бы в ответ на их безумную дерзость, полагаем ныне здесь основание храму во имя святого Владимира!.. Сим самым, сильнее и внятнее всяких слов, мы говорим врагам нашим как бы так: непростительно грубо ошибаетесь вы, воображая, что полуостров Таврический составляет для России только недавнюю добычу меча и плод побед: нет, это древнее и родовое достояние наше, это наследие еще святого Владимира!.. Здесь купель нашего крещения; здесь начало нашей священной истории и народных преданий. Уступить после сего страну эту, кому бы то ни было, значило бы для России отказаться от купели своего крещения, изменить памяти святого Владимира... Возможно ли это? Скорее не останется во всех горах здешних камня на камне, нежели луна заступит здесь место Креста Христова!.. Такова, говорю, сила и таков смысл нынешнего нашего священнодействия по отношению к врагам нашим! И надобно же было им вчера явиться в таком множестве пред лицом сего града, как бы нарочно для присутствия при заложении сего храма и для выслушивания урока, в нем заключающегося!.. Слепленные ненавистью к величию и славе России, они не поймут теперь сего урока, но он не потеряет чрез то своей силы, и пронесется по всей земле Русской; услышится и за пределами ее, и напомнит о забытой истине даже тем, кои хотели бы сокрыть ее навсегда в неправде своих мудрований.

Итак, не унывай, богоспасаемый град Севастополь, от множества и злобы врагов, тебя обьшедших, памятуя, что ты преемник и наследник не Ахтиара мусульманского, а православного Херсонеса Таврического. Созданное в защиту твою руками человеческими еще может уступить силе и искусству человеческому, но что дано и положено свыше, того не может изменить никто и ничто. Поелику же страна сия вставлена в состав России — в лице святого Владимира — рукою самого Провидения, то нет врага, могущего ее отторгнуть: «яже... Бог сочета, человек да не разлучает». ([Мф. 19:6](#)). В таком случае, если бы для отражения врагов не достало земных защитников, — явятся Небесные; восстанет из гроба или паче сойдет с неба сам витязь равноапостольный, сойдет и приведет с собою противу врагов весь сонм священномучеников Херсонских, кои купили сию землю у Самого Владыки вселенныя — не

златом и серебром, а слезами и кровью своею.

Радуюсь посему духом за град сей и благочестиво мудрых правителей его, кои, несмотря на множество облегающих их теперь забот, нашли возможность пред лицом самих врагов положить ныне основание храму сему! Таким образом, к твердыням вещественным в защиту града сего они присоединили новое, несокрушимое укрепление — духовное. Радуюсь за все православное Отечество, которое из настоящего священнодействия нашего с особенным утешением увидит, что мы бодро стоим здесь против врагов наших, стоим не с одним оружием плотским, но и с непобедимую силою Животворящего Креста Христова. Радуюсь, наконец, и благодарю Бога и за самого себя, коему, как бы ведомому Духом ([Лк. 11:13](#)), дано явиться здесь так нечаянно и вместе так благовременно. Слабые молитвы мои всегда могли быть заменены молитвами других, но для меня на всю жизнь осталось бы чувство сожаления о том, что я не послужил основанию храма сего...

Заклучим молитвенным желанием, чтобы Господь, приведший ныне нас сюда так неожиданно, — да положим здесь первый камень в основание храма, — не судил нас быть недостойными возжечь здесь, в созданном уже храме, при освящении его, и первую свечу! Аминь.

Речь при заложении часовни спрестолом во имя Всех святых Российских

Кто думал и ожидал, что на этом месте, так недавно еще оспоренном у волн морских, станет так скоро дом молитвы и будет посвящен не одному какому-либо божественному или святому лицу, как это обычно, а целому Собору святых угодников Российских?.. Тем паче, кто думал и ожидал, чтобы сии угодники Божии — в верном и точном изображении их святых ликом — все сами предстали теперь среди нас на этом месте, как бы для видимого и немедленного усвоения себе создаваемого во имя их храма? Но о чем никто не думал, чего никто не ожидал, то самое совершается теперь во славу Бога, дивного во святых Своих, — на благословение граду нашему, по окончании его пятидесятилетия!.. Как случилось все это?.. Случилось весьма поучительным для нас образом: мы становимся богаты от собственной нашей скудости!..

В самом деле, когда за два года пред сим решено было увековечить для града нашего память его пятидесятилетия ежегодным торжественным хождением крестным, то оказалось, что у нас, по самой юности нашего бытия гражданского, нет, как в других градах, древних святынь церковных, коими особенно обыкли благоуукрашаться хождения крестные. Для восполнения сего недостатка надлежало по необходимости прибегнуть, так сказать, к займу духовному у других древних градов и святых обителей отечественных; и вот, благодаря духу общения христианского, едва только услышалось о нашей нужде и духовной скудости, как из всех градов и обителей, славящихся мощами угодников Божиих и чудотворными иконами, начали являться к нам на благословение святые изображения и лики, как бы в доказательство того, что Матерь Божия и святые угодники всегда готовы на помощь нам, только бы мы не отвращали от них лица своего. Но тут опять обнаружилась наша новая духовная скудость, ибо когда пришли к нам эти великие и святые гости, то ни один из наших домов молитвы не оказался способным вместить их в полном числе и с подобающим приличием; а разделять их по разным храмам значило бы лишить желающих возможности видеть их все вкупе. Что было делать?.. Самая необходимость велела помышлять о новом доме молитвы, который бы мог служить для них общим и нераздельным пристанищем, ибо не оставить же было столь великих и святых гостей без крова и приюта.

Но помыслить о сем было легко, а исполнить замышленное — не без труда: не потому чтобы град наш не в состоянии был сделать что нужно для достойного принятия столь великих и святых посетителей, а потому что на первый раз, под живым и радостным впечатлением от нового нашего празднества, нам не хотелось обнаруживать всенародно нашу скудость духовную, для возбуждения в ком бы то ни было усердия отвратить ее. Желалось и ожидалось усердия, не вызванного нарочно, а совершенно произвольного и, так сказать, самородного, и — благодарение Господу! — упование наше не посрамилось! Не протекло и седмицы от совершения празднества, как явился человек желанный, который от благочестивого рвения по Бозе и чести святых Его, един стал за всех и принял на себя — иные сказали бы труд и издержки, а мы скажем святую и великую честь — устроить особенное и постоянное помещение для всех святых гостей наших. Не теперь и не в слух самого христоролюбивого создателя, — оценить сей подвиг веры и любви: его оценит с признательностью весь град наш; ему воздадут честь самые отдаленные потомки, приходя в храм сей на молитву; тем паче не останется он в забвении пред Тем, от имени Коего сказано: «доброхотна бо дателя любит Бог»! ([2 Кор. 9:7](#)).

Итак, видите, как мы делаемся богаты от самой скудости нашей! Имей мы древнюю

святыню сами, мы не прибегли бы к другим градам за нею; будь наши дома молитвы удобны к помещению всего лика святых икон, мы не заложили бы теперь нового для них храма. Так «верующим в Бога, по слову апостола, все, самая скудость, споспешествует во благое!»

Я сказал, что мы становимся теперь богаты духовно, ибо не малое приобретение уже то, что у нас будет новый дом молитвы, и притом такой, какого, сколько известно, не было еще доселе на земле Отчественной, то есть в честь и память всех святых Российских. Но, кроме сего, в новом храме нашем будет находиться то, чего также нет в прочих храмах, не только у нас, но и у других: я разумею столь значительное собрание верных и точных изображений с лика чудотворных икон Богоматери и с лика угодников, коих нетленные мощи украшают грады и обители Отчественные.

После сего каждый, не выходя из града нашего, а только приходя в храм сей, может иметь утешение — видеть в совокупности подобия той святыни, коею славятся разные края обширного Отечества нашего. И что я говорю, видеть одни подобия...

Нет, не подобия токмо святыни, а, в некоторой степени, можно сказать самую святыню. Ибо не скроем от вас, братия, нашей тайны: когда дошла до нас весть о готовности собратий наших послужить нам в нужде нашей, то мы молили их усугубить цену даруемого совершением молебного пения пред ракою угодника Божия, от лица коего шла к нам его икона, помазанием ее от святого елея, пред сим неугасимо горящего, и окроплением от воды с многоцелебных мощей его. Подобное совершено было и над изображениями, снятыми для нас с чудотворных икон. Таким образом, здесь, в сем доме молитвы, будут стоять не простые иконы, — не дело одной кисти художника, — а лики, исполненные живоносной силы, почиющей в чудотворных иконах и во гробах святых угодников Божиих.

Возблагодари же, град Одесса, Господа за сие новое знамение к тебе милости Божией! Призирая с высоты нагорной на сие святилище, не поникай долу маловерием, а возносись мыслями к созерцанию судеб Божиих, над тобою явленных, являемых и имеющих являться. Отныне смотри на все, приходящее из-за моря, сквозь сей храм, в коем, несмотря на малость его, в лице присланной тебе на благословение святыни своя — будет стоять и взирать на тебя — вся православная Россия!..

Море Черное, — да отразится и на твоих мрачных волнах духовная белизна приближающейся к тебе святыни Всероссийской! Ты принесло нам некогда на хребте твоём крест и Евангелие с верою православною! Зри и радуйся! Се, питомцы сея веры, достигшие «в мужа совершенна, возросшие в меру возраста... Христова» ([Еф. 4:13](#)), приходят в ликах своих целым собором вселиться на бреге твоём, да разумеешь, что семя веры, тобою принесенное, не осталось без плода сторичного, и да поведаешь прочим брегам твоим, еще не просвещенным светом сея веры, что он готов воссиять и для них из богопросвещенной державы Российской.

Как отрадно будет теперь для каждого, оставляющего по чему-либо Отечество, идя к пристани, зайти в сей храм и помолиться об успехе предпринимаемого пути морского всем святым Российским, в числе коих найдет он и святого покровителя той страны, где родился и откуда пришел!

Как утешительно будет каждому, возвратившемуся из дальнего странствования, вступив на берег, поспешить в сей же храм, дабы пасть со слезами умиления пред ликом святых заступников земли Отчественной!

Благодарение Господу, тако о нас и о граде нашем возблаговолившему!

Слово при открытии скита в Бахчисарайской пустыне

Где мы и что делаем?.. Пред нами скала с ее допотопною, может быть, вершиною; за нами утесы с их неприступною высотой; вокруг нас дебри и пустыня. И в сию-то пустыню, к этой-то скале и утесам стеклось столько людей и посетителей! Что привлекло вас, братие? Привлекли, очевидно, не земные побуждения и выгоды: что для них в этой пустыне? Не чувства плоти и крови: какая для них пища в этих голых камнях? А живая вера в Господа и Спасителя нашего, Коего пречестное и великолепное имя славится на месте сем; привлекла живая любовь Пречистой Матери Его, Которая в дивной иконе Своей от лет древних избрала гору сию в жилище Себе. От имени убо Господа нашего и Пречистой Матери Его благословляем вас, братие, за вашу веру и усердие, которые вы не теперь только явили, а являли каждый год и прежде, являли тогда, когда святое место сие было оставлено едва не всеми.

Вопреки всем превратностям времени и обстоятельств вы продолжали веровать и любить святую гору сию; и вот Господь услышал желание ваше; любимое вами место восстанавливается в древнем его святом чине и благолепии. Отныне не во дни только настоящие, как бывало прежде, а в продолжение целого года вы, посещая место сие, будете находить в нем не только молитву и богослужение, но и образ жития иноческого по чину Святой Горы Афонской. Кто из вас не слышал о сей дивной Горе, где тысячи добрых иноков и смиренных отшельников день и ночь воссылают ко Господу теплые молитвы о мире всего мира? И вот отныне в пределах собственного Отечества, среди наших гор, мы будем иметь утешение зреть подобие древнего Афона! О, какое величественное и славное будущее предстоит горам нашим! Мне кажется, я вижу уже исполнение того, чему полагается теперь только единое начало! Вижу, как святой Владимир паки посещает своим духом тот храм, в коем он приял крещение и веру не для себя токмо, а для всей России! Вижу, как святой Стефан Сурожский обретает место для своей памяти среди тех долин, кои напойл он струями здравого учения в дни зловерия иконоборческого; как семь святителей и священномучеников Херсонских, теперь едва не забытые паки в храмах во имя их, свяжутся духом с прежнею их паствою и начинают поучать ее житием своим; как первосвятители Римские Климент и Мартин приходят на место своего заточения и трудов и находят его не в запустении, как теперь, а в лепоте богослужения и чине церковном; как, наконец, имя первованного ученика и апостола, который впервые огласил горы наши, а потом и всю Россию именем Христовым, нарекается с честью на храмах наших! Благословен Господь, тако возблаговоливший о месте сем и о горах наших! Отныне нам предлежит возвращать среди себя не чувственный только виноград, а и духовный, от той божественной и животворящей лозы, о коей сказано: «Аз есмь лоза, вы (же) родите» ([Ин. 15:5](#)). Благодарение Монарху Благочестивейшему, который не презрел нашего моления, повелел восстать из развалин тому, что целые века лежало в запустении! Принесем убо, братие мои, совокупно усердные молитвы ко Господу, да благие чаяния наши приидут в исполнение, да труды наши не останутся вотще. Ибо аще не Господь созиждет здесь дом во славу Пресвятого имени Своего, всеу будем трудиться мы, зиждущии.

Господи! Ты зришь глубины сердец и помышлений, видишь нашу готовность послужить восстановлению святых мест, рассеянных по горам нашим! Призри убо с высоты святая славы Своя и ниспошли благодать Твою на место сие, и на все прочие места, ожидающие своего восстановления!

Мати Божия, избравшая в жилище Свое Святую Гору Афонскую, благоволи осенить вседержавным покровом Своим и наши горы, и прими их в Твое Матернее попечение!

Святители и священномученики, подвижники и исповедники, вы, коих слезами и кровью

орошена и освящена земля наша, приидите на помощь нашей немощи, да Крест Христов, за который вы полагали души своя, восприимет в странах сих паки и высоту и древнюю лепоту свою! Аминь.

Речь по освящении цистерны, устроенной при Одесском кафедральном соборе на пользу неимущих, иждивением одесского гражданина Г.И.Завадского

Итак, «упование» наше не посрамилось! ([Рим. 5:5](#)). Смотри на множество по стогнам града нашего людей, кои, во время зноя летнего, истаевают от жажды и, не имея возможности приобрести чашу чистой и студеной воды, принуждены утолять оную чем прилучится, — усматривая вместе с сим как во время хотя редких у нас дождей множество потоков водных упадает праздно с храмов наших на землю, я, братие, не раз помышлял сам с собою, что если бы собрать эту, без пользы падающую воду при каждом храме воедино? Сколько бы нищей братии остудило ею во время зноя гортань и язык свой? И сколько бы благословений низошло за сие на главу того, кто сделал бы это?

Но кто сделает?.. Храмы наши, от коих всего скорее и ближе можно бы ожидать подобного дела милосердия, по недавности существования своего, сами не успели еще, как ведаете, удовлетворить собственным своим нуждам и потребностям.

В числе сограждан наших многие, будучи благословенны избытком имуществ, весьма легко могли бы сделать это без всякого усилия и ущерба для себя, но станет ли в их сердце готовности на то и усердия? Увы, несчастное свойство земного богатства в том, что оно не размягчает сердце на доброе, а делает его жестким, самозаключенным и подобным в бесчувствии тому металлу, коим обладают богачи.

Разве, думал я, обратиться за побуждением на доброе дело в сем случае к Евангелию и провозгласить в слух всех обетование Спасителя: «иже аще напоит единого от малых сих чашею студены воды... во имя Мое, аминь глаголю вам, и не погубит мзды своя» ([Мф. 10:42](#)). Но что если и за сим не явится ни единого благодетеля? Что если слово Самого Спасителя, от нас провозглашенное, не произведет действия и прозвучит напрасно? Не послужит ли это для богатых в осуждение, и для всех — к стыду и печали?

Среди таких противоположных мыслей и чувств находились мы, братие, немалое время, но вера в силу и привлекательность доброго дела и упование на вашу сострадательность к нуждам ближнего взяли верх у нас над всеми сомнениями.

И вот, едва только успели мы сделать провозглашение Евангельское, даже, можно сказать, еще не успели сделать его во всей силе и привести во всеобщую известность, — как уже явился христоробивый согражданин, который со всею охотою «доброхотна... дателя, егоже любит Бог» ([2 Кор. 9:7](#)), принял на себя устройство сего кладезя, и видите, как усердно исполнил свое дело!

Итак, упование наше не посрамилось!..

Благодарение убо Господу, положившему мысль благу на сердце наше, и подвигшему в то же время сердце христоробивого благодетеля на призыв веры отозваться — делом любви!..

Теперь, по окончании благого дела, взирая как меньшая братия будет утолять жажду свою из сего водохранилища, да примет он мзду в чистом услаждении своей совести, доколе праведный Судия и Мздовоздаятель не воздаст ему за сие сторицею в тот великий и святыи день, когда предстанут на суде Его все и каждый со своими деяниями — и первый богач и последний нищий.

Как отрадно и поучительно будет видеть, братие мои, когда к каждому из храмов наших присоединится по таковому же кладезю, и вода из-под креста, их украшающего, будет изливаться не на землю, а в уста жаждущих!

Тогда и о нашем граде можно будет сказать с дерзновением словами пророка: «Жаждущии,

идите на воду, и елицы не имате сребра, шедше... пейте без сребра и цены» ([Ис. 55:1](#)). Тогда не только утоливший жажду свою из подобного источника, но и всякий посещающий град наш, видя, как мы печемся об ее утолении, воздаст о нас хвалу Богу.

Да поспешат же те, кои могут сделать это, да поспешат разделить между собою дело любви и милосердия истинно христианского!

Устроенный при каком бы то ни было храме источник не оскудеет водою и для своего устроителя, тою водою, о коей сказано в нынешнем¹ Евангелии: «но вода, юже Аз дам ему, будет в нем источник воды текущий в живот вечный» ([Ин. 4:14](#)); даже, может быть, тою водою, о которой написано: «отче Аврааме, помилуй мя, и послы Лазаря, да омочит конец перста своего в воде, и устудит язык мой: яко стражду во пламени сем» ([Лк. 16:24](#)).

«Имеяй ухо слышати да слышит»! ([Откр. 2:11](#)). Аминь.

Речь при заложении новых зданий для Ришельевского лицея

Наконец дело, так давно задуманное, столько раз решенное в уме и на бумаге, от всех признанное за весьма нужное, и потому не остановившееся совершенно, и однако же, при всем том постоянно встречавшее, одно за другим, новые препятствия, и ожидаемые, и неожиданные, и потому-то отлагаемое, то изменяемое, это дело, по медленности своей едва не обратившееся в предмет нареканий, теперь, при помощи Божией, начинает приходить в исполнение — видимо и невозвратно! Сию минуту будет положен в основание нового здания первый камень, вслед коего не замедлят ниспуститься сюда стройною чредою все эти громады вещества, уготованные для того, чтобы образовать из себя новое благолепное помещение для храма наук. Те, кои скучали доселе медленностью настоящего дела, могут теперь во утешение себе приложить к нему древнее замечание: что не скоро создается, то не скоро и разрушается.

Во всяком случае, нескоро, без сомнения, достанется выйти из-под спуда и явиться на свет этой доске со свидетельством о настоящем событии, которую мы, вместе с именами нашими, следуя общему обычаю, предадим недрам земли; и дай Бог, чтобы если нельзя не случиться сему, случилось это не прежде того, когда для самой истории нелегко уже будет разбирать кто мы были, и чем ознаменовано земное поприще каждого из нас.

А между тем, что произойдет?.. А между тем, избраннейшие из юных сынов страны нашей — поколение за поколением — будут приходить в это святилище наук для утоления жажды познаний, для образования своего ума и сердца; и по окончании своего воспитания тою же непрерывною чредою будут исходить отсюда на разные поприща службы общественной, принося вместе с собою всюду любовь к закону и правде, к труду и порядку. И почему не иметь нам, между прочим, и той надежды, что отсюда же выйдет, и может быть не один, юноша, который составит собою украшение не новой токмо, так называемой нашей, здешней, но и всей древней России, который знаменитыми подвигами и общепользными трудами своими воздаст сколько-нибудь Монарху и Отечеству за то, что они делали и делают для нашего края и для нашего града?

Подобные-то мысли, — а они, как видите, в подобных обстоятельствах приходят сами собою, — полагают такую великую разность между основанием зданий частных, как бы они велики и огромны ни были, и зданий общественных, особенно предназначенных на пользу наук. Что значило бы основание дома самого знаменитого вельможи, самого роскошного богача? Одно простое событие, — может быть и самое важное в его частной жизни, не более; а основание зданий для вертограда наук, тем паче высшего, каков здешний, — есть немаловажное событие для целого края. Тут невольно переносишься мыслью в будущее, воображаешь влияние того, что совершается, на многие роды и поколения, восходишь к помыслам о судьбе целого Отечества.

С сей-то, без сомнения, стороны взирал и взирает на дело настоящее сам августейший Самодержец наш, и вот почему он удостоил его таким вниманием, что сам, и неоднократно, вникал во все чертежи зданий, сам благоволил решить и место и время постройки, не отягощаясь тем, что это дело на августейшее усмотрение восходило не один раз и не с одною переменою. Таковы цари Русские! На раменах их судьба полсвета; от щедрот их должны изливаться струи от края до края Отечества на все великое и малое; и однако же, когда дело идет о просвещении народа русского, то у них всегда является новое внимание и новые средства к тому, чтобы вертограды наук не только не имели недостатка ни в чем нужном, но и самым вещественным благолепием своим свидетельствовали, что они созданы рукою царскою.

Подражая столь высокому примеру, строители сего здания, без сомнения, окажут все

усердие и внимательность к делу, ныне благополучно начатому, дабы медленность в совершении его вознаграждена была добротой и совершенством сделанного, так, чтобы и входящие и исходящие отсюда, и самые приходящие и зрящие могли говорить от души: «Долго происходило, но прекрасно вышло».

Но, братие мои, при всех усилиях и неусыпности вашей, вы не забудете, без сомнения, слов царя-пророка, который сам немало лет собирался созидать дом Господень, но принужден был предоставить это дело своему преемнику: «Аще не Господь, — говорит он, — созиждет дом, всеу трудишася зиждущий» ([Пс. 126:1](#)).

В самом деле, мало ли каким превратностям может подлежать пред-начатое теперь дело созидания, даже с вещественной его стороны! А будущая судьба имеющего водвориться здесь учебного заведения, кому доведом она, кроме Всеведущего? От кого зависит все дело, как не от Его всесвятой воли?

Памятуя сие и желая от души совершенства нашему главному рассаднику просвещения, соединим мысли и чувства наши в усердной молитве к Тому, Кто един нарицает «не сущая, яко сущая», сущим же подает крепость и доброту, да излиет Он обильно благодать Свою на место сие, да соделается оно исходищем истинного света познаний для всего края нашего, да бежат от него все духи тьмы и злобы, льстящие ныне едва ли не всю вселенную, да вселится здесь един дух Христов, дух истины и правды, дух веры и любви, дух смирения и послушания, тот дух, в коем росло и укреплялось, коим выросло и расширилось и коим единым так твердо и несокрушимо возлюбленное Отечество наше. Аминь.

Речь при заложении зданий для Института благородных

девиц

Что будет здесь, на этом месте? Будет дом для воспитания и образования благородных девиц нашего края. А что будет с сими девицами по окончании их воспитания и образования здесь? Они должны будут возвратиться в дома своих родителей или родственников, и составить их отраду и утешение, пока не найдут своего жребия и не соделаются сами супругами, матерями и начальницами семейств, от коих зависит нередко судьбы целых сотен и тысяч.

Таким образом, здесь и теперь полагается основной камень не здания токмо вещественного, но и здания духовного, храма воспитания, не токмо блага частного, но и благоденствия общественного.

Можно ли было положить такой камень без святого креста и всеосвящающей молитвы? И вот, всемогущее имя Божие призвано на место сие; все стихии будущего здания освящены молитвою и кроплением святой воды; самые делатели осенены животворящим крестом и благословлены на дело и труды свои.

Теперь от самых делателей и распорядителей дела — великих и малых — зависит уже, чтобы начатый свято и по-христиански труд был продолжен до конца так же свято и по-христиански; чтобы чистый дух молитвы не встречался здесь с темным духом ропота и буесловия, чтобы благословение Божие, низведенное на место сие, не возпящалось (не запрещалось — ред.) и не изгонялось отсюда действием клятв и нареканий.

Да, мы, к сожалению, думаем, что все равно, как бы что ни делалось, только бы делалось верно и исправно. Между тем большая разница, когда дело делается по-христиански, в духе веры и с молитвою, и когда делается хотя верно и исправно, но по-язычески, то есть с духом ропота, нечистоты, срамословия и пьянства. В первом случае присутствует при труде благодать Христова и вселяется в здания дух веры; во втором случае является и основывает жилище себе дух тьмы, и не без труда можно изгнать его.

Да не забывают же сего и трудящиеся над делом и распоряжающиеся трудами; да продолжают действовать, как начали; и благословение Господне пребудет с ними и делом их во веки веков.

Что касается нас, мы заранее радуемся духом, воображая здание сие уже оконченным благополучно, как паки место сие, на время опустевшее, оживет и процветет, как будут стекаться сюда из всех краев нашей страны юные воспитанницы, и как они же будут возвращаться и разносить с собою залогов благоденствия семейного, как все будет радовать собою сердце Августейшей Покровительницы сего заведения, составлять честь для воспитанниц и наставников; как сама Святая Церковь по-прежнему будет спешить под кров сих зданий, дабы быть свидетельницею господствующего здесь духа Христова.

Господи! Сотвори, да все сие воображаемое скорее приидет на самом деле! Аминь.

Речь при освящении новой залы при доме Дворянского собрания

Если бы прекрасное здание сие воздвигнуто было только по одной общественной нужде в нем, или для одного удовольствия общего, то и тогда воздвигнувшим его принадлежала бы справедливая благодарность за удовлетворение нужде, за попечение об удовольствии общественном. Но этот священный лик Монархини, эта надпись у подножия его свидетельствуют, что трудившиеся над сооружением сего здания имели в виду не одно удовлетворение какой-либо нужде, и даже не одно общее удовольствие, а водились и одушевлялись чувством гораздо более высшим, тем чувством, от коего воздвигаются и растут не здания токмо, а крепятся и высятся целые царства.

Благочестивейшая Монархиня за несколько лет пред сим осчастливила град наш посещением и не однодневным пребыванием среди его. Здесь, в сем доме, в кругу благородного сословия дворян Харьковских, проведено ею несколько часов, особенно приятных для нее, тем паче сладостных и незабвенных для нас.

Можно ли было не пожелать, чтобы память о сем увековечена была каким-либо знаком усердия и признательности? И вот, сие желание исполнилось: отныне здание сие не надписью токмо этою, а самым бытием своим будет свидетельствовать пред всеми, как благородные сыны некогда воинственной, а теперь мирной Украины умеют дорожить спокойствием и радостью своих венценосцев, как многоценен для них каждый знак высочайшего к ним внимания.

Да примет за сие благодарность дворянство Харьковское от всех сословий и жителей града и страны нашей! Сооружением сего прекрасного здания оно удовлетворило желанию всех и каждого, ибо для всех и каждого драгоценен образ той, которая уже более четверти века украшает собою престол Всероссийский.

К умножению общей радости нашей при настоящем случае можем сказать во услышание всех, что милосердый Господь внял теплым молитвам России о возлюбленной Монархине своей, что здравие ее, толико (было) ослабевшее, видимо возвращается к прежнему благонадежию, и что, следовательно, и мы можем иметь не слабую надежду представить когда-либо ее собственному взору то, что совершено здесь в честь ее имени.

В ожидании сего счастья усугубим молитвы наши пред Царем царствующих, да подаст силу и врачам и врачествам, употребляемым возлюбленною Монархиною, да осенит врачуемую наитием той живоносной силы, пред коей не постоит никакой недуг и никакая немощь. Усердная молитва о царях есть самый лучший к ним знак любви от подданных. Аминь.